ՂՐԻՄԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ
ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ

СОЮЗ КРЫМСКИХ
АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

ԱԼՄԱՆԱԽ
АЛЬМАНАХ

выпуск 9

Медиацентр им. И. Гаспринского
2019

УДК 821(=19)
ББК 84(2Рос=Арм)
Р 60

Одобрено Консультативным советом по изданию литературы на родных языках. Выпущено при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК за счет средств бюджета Республики Крым

Р 60 **Родина в сердце.** Альманах № 9. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019. – 164 с. : фото. – На русском и армянском языках.

ISBN 978-5-906959-89-8

В девятом выпуске альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце» собраны лучшие произведения современных крымских армянских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов, таких, как Вячеслав Егиазаров, Александр Склярук, Михаил Петросян, Станислав Ян, Вагаршак Мазлумян, Вартан Григорян, Рушан Пилосян, а также молодые талантливые поэты Татевик Азарян и Тимур Ян.

В альманахе впервые публикуются рассказы писателя, журналиста, художника Павла Тыглиянца.

«Новые голоса» – так называется одна из рубрик альманаха, в которой свои произведения представили Айказ Хачатурян и Геворг Бабаян.

Под рубрикой «Наши гости» традиционно издаются литературные произведения наших соотечественников, проживающих в разных странах мира.

Гость альманаха № 9 – Степан Багдасарян (США).

Ղրիմահայ գրողների միության «Հայրենիքը սրտում» ալմանախի իններորդ համարում զետեղված են ժամանակակից ղրիմահայ գրողների՝ բանաստեղծների, արձակագիրների, հրապարակախոսների ստեղծագործությունները:

«Հասուն քնար» խորագրում իրենց գործերն են ներկայացրել խոսքի հմուտ վարպետներ Վյաչեսլավ Եղիազարովը, Ալեքսանդր Սկլյարուկը, Միքայել Պետրոսյանը, Ստանիսլավ Յանը, Վաղարշակ Մազլումյանը, Վարդան Գրիգորյանը, Ռուշան Փիլոսյանը, ինչպես նաև երիտասարդ տաղանդավոր բանաստեղծներ Տաթևիկ Ազարյանը և Թիմուր Յանը:

Ալմանախի այս համարում առաջին անգամ իր պատմվածքներն է ներկայացրել գրող, լրագրող, նկարիչ Պավել Տիգլիյանցը:

«Նոր ձայներ». այդպես է կոչվում ալմանախի խորագրերից մեկը: Այս թողարկման մեջ զետեղված են Հայկազ Խաչատուրյանի և Գնորգ Բաբայանի ստեղծագործությունները:

Ալմանախում՝ «Մեր հյուրերը» խորագրի ներքո ավանդաբար հրապարակվում են աշխարհի տարբեր երկրներում ապրող մեր հայրենակիցների չափածո և արձակ գործերը:

Իններորդ թողարկման հյուրն է Ստեփան Բաղդասարյանը (ԱՄՆ):

УДК 821(=19)
ББК 84(2Рос=Арм)

ISBN 978-5-906959-89-8

© **ОО РНКАККРК,** 2019
© **ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»**, 2019

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

Союз крымских армянских писателей (СКАП) – это союз единомышленников, объединённый благородной целью сохранить и развивать вековые традиции крымской армянской литературы, обогатить её новыми произведениями, популяризовать творчество современных мастеров пера, найти молодые таланты, поддержать их творческий потенциал.

Мы хотим жить и творить в мире и согласии с другими народами нашего полуострова, ценить и уважать культуру всех народов, прививая любовь и уважение к армянской культуре, в частности к литературе. Только таким образом мы сможем лучше понять друг друга, взаимно обогащать наши культуры во имя мира и процветания нашего общего дома – Крыма.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Армянская литература в Крыму имеет многовековую историю. Начиная с XV века, в Крыму творили поэты Хачатур Кафаеци, Симеон Кафаеци, Мартирос Крымеци, Вртанес Кафаеци, Вардан Кафаеци, Степанос Тохатеци, Хева Кафаеци. Истории известны имена поэтов XIX – XX веков Геворка Додохяна, Александра Цатуряна, Симеона Бабияна, Оноприоса Анопяна.

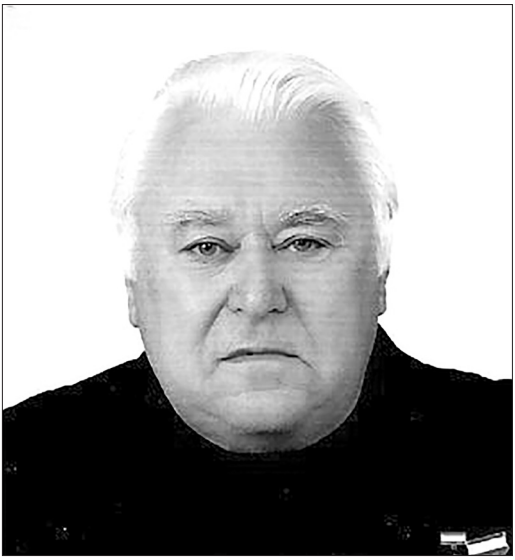
Развитие армянской литературы в Крыму продолжается и в наши дни. Крымскому читателю уже известны имена Георгия Меликова, Владимира Вартаняна, Еравнда Барашяна, Вячеслава Егиазарова, Петра Казанчанца, Марата Файзи (Саркисова), Анатолия Мирзояна, Александра Склярука, Вагаршака Мазлумяна, Гагика Зурабяна, Рушана Пилосяна.

Возникла необходимость объединить современных крымских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов. И в 2002 году при Крымском армянском обществе (ныне – Региональная армянская национально-культурная автономия Республики Крым) была создана Ассоциация крымских армянских литераторов. Первым председателем стал её инициатор и организатор, член Национального союза писателей Украины, поэт и переводчик Владимир Эммануилович Вартанян, ответственным секретарём – Сасун Барян (Этибарян). Добрыми словами появление ассоциации благословил известный российский поэт армянского происхождения, почётный гражданин города-героя Севастополя Эдуард Асадов. После ухода из жизни Владимира Вартаняна в 2007 году ассоциация была переименована в Союз крымских армянских писателей. Возглавил её Сасун Барян. В 2010 году председателем Союза крымских армянских писателей был избран заслуженный журналист Республики Крым Рушан Пилосян, ответственным секретарём – Александр Склярук.

Союз крымских армянских писателей имеет свой печатный орган – альманах «Родина в сердце», в котором публикуются новые произведения современных авторов: стихи, поэмы, рассказы, новеллы, отрывки из романов, басни, афоризмы, а также статьи и очерки исторического содержания.

Ныне в деятельности Союза активно участвуют и периодически печатаются в альманахе «Родина в сердце» Вячеслав Егиазаров, Анатолий Мирзоян, Александр Склярук, Станислав Ян, Вартан Григорян, Вагаршак Мазлумян, Михаил Петросян, Ваган Вермишян, Рушан Пилосян, а также наша творческая молодёжь: Татевик Азарян, Тимур Ян, Айказ Хачатурян, Геворг Бабаян.

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱՐ
ЛИРА ЗРЕЛОСТИ



ВЯЧЕСЛАВ ЕГИАЗАРОВ

Известный крымский армянский поэт Вячеслав Фараонович Егиазаров родился 11 декабря 1940 года в г. Ялте, Крым, Россия.

Член Союза российских писателей (Москва), председатель Ялтинского филиала республиканского творческого союза «Крымская ассоциация писателей». Член Межнационального союза писателей Крыма.

Председатель Крымского отделения СРП (Ялта).

Автор поэтических книг: «Песни моря» (1979 г.), «Сбудется доброе» (1986 г.), «Музыка названий» (1997 г.), «Ветка омёлы» (1998 г.), «Бегство талой воды» (2003 г.), «Белые чайки на белом снегу» (2005 г.), «Планета Крым» (2014 г.), «Крымский дивертисмент» (2016 г.), «Профиль ветра» (2017 г.).

Один из авторов нескольких антологий и коллективных сборников поэзии городов Москва, Симферополь, Ялта, а также журналов «Севастополь» (Севастополь), «Радуга» (Киев), «Берега Тавриды» (Симферополь), «Смена», «Мы», «Поэзия» (Москва) и т. д.

Один из авторов альманахов СРП (Москва) «Паровоз» и «Лёд и пламень», «Родина в сердце».

Стихи В. Егиазарова публиковались также в Литературной газете (Москва) и Общеписательской литературной газете (Москва).

Редактор поэзии всех тематических сборников «Наш Чехов», «Наш Пушкин», поэтического альманаха «Ялос», нескольких книг членов Литературного общества им. А. П. Чехова.

Лауреат премии им. А. П. Чехова (1998 г.), Государственной премии Республики Крым в номинации «Литература» (1998 г.), премии им. А. И. Домбровского (2005 г.), Государственной премии Республики Крым в номинации «Литература» (2006 г.). Лауреат международного литературного фестиваля «Осенний Крым – стихов очарованье» (2008 г.).

Первый лауреат Международной премии им. В. Коробова (Москва, 2013 г.).

В 2014 году большие поэтические подборки В. Егиазарова вошли в семитомную антологию «Крым в поэзии» и антологию «Крым в русской поэзии и искусстве» (Москва).

Лауреат литературной премии им. А. С. Пушкина в номинации «Поэзия» (2011 г.). За вклад в развитие литературы Крыма и активную общественную деятельность в 2000 году награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Республики Крым. Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

Армянские напевы

Армянские качели,
армянский ресторан,
душа озябла в теле
на стогнах чуждых стран.
И даже из Сухуми,
ступив на грань скитания,
остались в общей сумме
мы членом вычитания.
Но ветер с Арарата
вдруг дунет, сон круша,
всегда тоской чревата
озябшая душа.

Армянские мотивы,
армянские мечты,
всегда Севан красивый,
всегда цветут цветы.
Приветом Еревана
средь крымских звёзд и рос
цветёт здесь неустанно
румяный абрикос.
Теперь-то что ни скажешь,
чтя маму и отца,
а всё равно измажешь
обидою сердца.

Армянские напевы,
луны армянской грош,
задумаешься: – Где вы?..
Лишь руки разведёшь.
Диаспора. Отчизна.
Армянской церкви лик.
А дух патриотизма
во все века велик.

И объяснять не надо,
как, тем не менее,
бывает сердце радо
снам об Ар-ме-ни-и...

Любимая, я просто человек

Любимая, я просто человек,
наивен, скрытен, злобен, откровенен,
но без меня неполноценен век,
а без тебя я сам неполноценен.

Любимая, прости за боль обид,
их порождала глупая бравада:
я часто делал равнодушный вид,
чтоб чувства скрыть, а этого не надо.

Любимая, у века на краю
тебя с прощальной лаской обнимаю;
со мною не бывала ты в раю,
но ад прошла, я это понимаю.

Любимая, всю боль обид забудь,
они не главное, нам это ясно.
Мерцает бухта наша, словно ртуть,
а ртуть на воле, знают все, опасна.

Любимая, казнись иль не казнись,
всё видится порой в неверной призме,
но без меня ты не познала б жизнь,
а без тебя я не познал бы жизни.

Любимая, что было, то прошло,
затихли бури, отгремели залпы,
я сам не знаю, что произошло,
но без тебя, мне ясно, я пропал бы.

Любимая, люби меня, люби,
пусть даже я любви твоей не стою;
смотри, луна кровава, как рубин,
скрывается за горною грядою...

Брожу любимыми местами

Хватает боли, крови, слёз
в жестокой жизни. Мир взбесился!
Ещё не стихнул шквал угроз,
но Крым в Россию возвратился!

Вернулся в порт свой, как фрегат
из чуждых далей нам, не скрою,
и все обиды, боль утрат
остались в прошлом, за кормою.

Путь у судьбы совсем непрост,
о чём её бы ни просили!
Но заработал Крымский мост –
Мост единения с Россией!

Купель Христова – Херсонес!
Колонны. Облаков триеры.
Немыслима Россия без
истоков православной веры!

Мечты сбылись! Бог снова с нами!
Снят груз всех подлых лет в душе.
Брожу любимыми местами
с душою ясною уже.

И чайки реют в синей выси,
и снова видно далеко.
Как рифмы в стих летят и мысли
непринуждённо и легко!

И как на мир смотрю я снова
влюблённо, путь прогулок для,
и русской речью, русским словом,
ликуя, упиваюсь я!

12.06.18. День России!

Нетопыри

Фонарь за окном – центр Вселенной, смотри,
как вьются под ним мошек тучи!
Летучие мыши – нетопыри –
снуют между крошек летучих.

Шныряют, зигзагами носятся тут
и мошкино воинство тает,
а чтоб описать тех полётов маршрут,
фантазии мне не хватает.

Исчезнут на миг и опять за своё,
предвидеть нельзя их атаки,
то врежутся в гущу, то кружат с краёв,
то вновь исчезают во мраке.

Торопится редкий прохожий домой,
пройдёт, снова тихо, безмерно;
не могут, как птицы, летать по прямой
летучие мыши, наверно.

Наскоки, броски, пируэты их мне,
как ребус, угадывать сложно,
судьбы моей дёрганой график вполне
полётом их выразить можно.

За мошками счастья бросался и я,
но шансы, что были, все вышли:
летучим охотникам я не судья,
такими их создал Всевышний.

Фонарь в переулок полночный льёт свет,
облив палисадник и тую;
и чтоб доказать себе, что я поэт,
я это явленье рифмую.
17.06.18

Удивляться я не перестану

Удивляться я не перестану
ни заре рассветной, ни стакану
с жидкостью бесцветной, но хмельною,
нагло помыкающему мною.

Я не перестану удивляться,
что деньки мои доселе длятся,
что в тетрадь под полною луной
рифмы залетают по одной.

Удивляться я не перестану,
что порой ловлю я с неба манну,
что везенье есть под небесами,
да об этом знаете вы сами.

Я не перестану удивляться,
что могу, чтоб ни было, смеяться,
верить, чтоб ни сделалось, в удачу,
верить, что я сам немало значу.

Удивляться я не перестану
твоему девическому стану
и походке пляшущей, девичьей,
и в глазах тоске какой-то птичьей.

Я не перестану удивляться,
что умеют самоопыляться
зимние цветы на нашем юге
в час, когда везде гуляют вьюги.

Удивляться я не перестану
даже кошке, любящей сметану,
даже голубям, клюющим крошки,
свету фонаря, где вьются мошки.

Я не перестану удивляться
голосу, каким владеет Градский,
ритму рок-н-ролла, Элвис Пресли,
русской разудалой чудо-песне.

Я не перестану, не умею,
может быть, я и не поумнею,
но при всём при том, при всём при этом
удивляться буду я рассветам.

Видит Бог, я ему не обуза

Истинная поэзия — сестра религии.
В. Жуковский

Поприкалывались, похохмили,
испытали и холод, и зной,
за спиной километры и мили,
проще – жизнь и судьба за спиной.

Финиш ясен и, кажется, близок,
крах изведал, бывал и успех;
перед Богом я не был подлизой,
клянчить блага считал я за грех.

Видит Бог, я Ему не обуза,
и ответить готов за грехи,
ведь не зря моя скромная муза
всё приносит молитвы-стихи.

Ведь не зря и, надеюсь, недаром
это мне, Всеми Правящий, дал:
дельтаплан современным Икарам
подарил современный Дедал.

Пусть судьба у них будет счастливей,
пусть свершений им светят цветы,
пусть всегда очистительный ливень
оживляет юдоль и мечты

Вдохновенье важнее, чем церковь,
хоть родня ей, един их обряд,
ведь не зря по возвышенным меркам,
мне от Бога отпущен талант.

Как на исповеди, не таюсь я,
свой на это резон и расчёт:
от истока до самого устья
речка жизни течёт и течёт.

Я её переплыть не пытаюсь,
по теченью иль против – по мне;
журавлей улетающих стаю
я встречаю всегда по весне.

И пускай так пребудет со всеми,
пусть в Москве то, Нью-Йорке, Крыму,
нам отпущено строгое время
и достоинство с честью к нему.

Коммунальный домик

Столик под инжиром,
дворик, облака,
ссору кончим пиром,
миром на века.
Как-никак соседи
и не старики,
много, мало снеди –
что за пустяки?
К вечерку, с утра ли
под напевы крон
с Нинкой трали-вали
мы под патефон.
А гнусавый Паша
с фиксой, выгнув бровь,
вспоминать парашу
принимался вновь.
Домино, лото ли,
не зевай, смотри;
завтра деду Толе
девяносто три.
Ордена победы,
прочий реквизит,
запахнувшись пледом,
Марьиванна спит,
И под шелковицей
мы – снимай скорей! –
дорогие лица
близких и друзей.
Далеко уеду,
бед – не занимать;
Нинку-непоседу
буду вспоминать.
Коммунальный домик,
слёзы, свары, смех,
словно Божий томик –
всё про нас, про всех...

Ты говорил

Ты говорил, что нет душе свободы,
что надо лгать, а это всё трудней...
Сквозь гомон птиц Бог весть какой породы
вдруг грянул песню крымский соловей.
В ней было всё: и нежность, и страданье,
и страсть любви, и плач, и торжество,
и мы застыли в сладком ожиданьи,
томимы вдохновением его.
Журчал в кустах ручей. Уже смеркалось.
Поодаль мошкары клубился рой.
А над горой ещё стояла алость
и гасла постепенно за горой.
Ты говорил, что мир жесток и тесен
и потому нельзя с ним быть в родстве.
Но рассыпались фейерверки песен
в пульсирующей на ветвях листве.
И я подумал: ну чего ты мелешь,
ты не поэт, не лирик, хоть убей.
Ты этой жизни ни на грош не веришь,
но почему ей верит соловей?
Он так поёт во славу жизни этой!
Замри, постой, лишь звуки те лови:
таланты зарождаются от света,
но гении – от Бога и Любви!..
Ночь опускалась медленно на горы,
сползала с них на южный городок,
и было сладко-сладко, было горько,
задул с отрогов тёплых ветерок.
Ну что ж, пора!
Уже мерцают звёзды,
мы согревались их живым огнём.
Мир справедливо всё же кем-то создан,
и только мы несовершенны в нём...

Воспоминание

Вновь планет кружится рой.
Август соткан из созвездий!
Ты уже не станешь прежней,
бесшабашной и шальной.
(Всё грозил дедуля палкой
нам из парка у пруда...).
Да и я не стану, жалко,
прежним тоже никогда.
Время мчится.
Не поспоришь!
Но сердца остались тут,
где любые тропки к морю
обязательно ведут.
Где давно у Ореанды
ты шептала мне: – Пиши!..
И цвели там олеандры –
не для рифмы, для души!
Ликовало побережье
плеском волн у синих скал.
Ты уже не станешь прежней,
что бы я ни написал.
Да и напишу едва ли –
жаль душе лишаться сна:
август соткан из печали,
хоть и звёздная она.

Ты вышла из волны

Был август, был платан,
был зноя пик палящий,
парящий дельтаплан,
баклан под ним летящий
и пляж шумящий, где
я млел в телесной гуще
и где я углядел
тебя среди плывущих....

Ты вышла из волны,
из пены, мифа, света –
и были мы вольны,
и нас любило лето,
и нас знакомил юг,
и в небе солнце плыло!

О, сколько лет и вьюг
тому всё это было,
где прямо из волны
ты шла ко мне... А вскоре
мы в золоте луны
опять купались в море,
и лунных бликов цвет
в глазах твоих светился!

Я думаю, поэт
тогда во мне родился.
И вот гляжу назад
сквозь времена и дали –
да, попадали в ад,
но и в раю бывали...

Дети войны

Мы пришли в этот мир накануне жестокой войны,
чёрной свастики тень стала тенью невиданных бедствий,
и уже от рожденья мы были с тобой не вольны,
а верней, лишены льгот и ласк, что положены детству.

Всё в стихах описать невозможно, не тот это жанр,
но семейные фото – какие в них строгие лица!
В 45-ом казалось – потушен военный пожар,
да разруха и голод – от них ни уйти, ни укрыться.

И уже нас зовут с некой жалостью «Дети войны»,
и уже в нашу сторону тёплым как будто подуло.
Нам с тобой повезло, мы хоть вспомнить о прошлом вольны,
а скольких уже нет, их безжалостно время слизнуло.

И работать пришлось на износ, чтоб не сгинуть стране,
и бороться с недугом, и верить: я сильный, я буду!
Никогда не забуду, как шёл я по колкой стерне,
по холодной стерне, чтоб найти горстку зёрен, как чудо.

И вослед Ветеранам войны тают Дети войны,
и об этот сказать всё стесняются громко поэты:
мы гордились всегда нашей Родиной, были верны
ей всегда, и она, наконец-то, заметила это...

Не все отцы ещё вернулись с фронта

Послевоенных лет ход жизни скверный,
предел мечтаний – палка колбасы:
до посиненья нанырявшись, в сквер мы
бежали, чтоб отжать в кустах трусы.
Мы, малолетки, бич садов окрестных,
кто, как не я, поведает о нас:

всё меньше остаётся чисто местных,
кто помнит оккупацию сейчас.
Да я и сам, я сам всего не знаю,
но вдруг увижу даль, хоть зашибись:
там Ганс цепной – овчарка очень злая,
с цепи срывался, если мы дрались.
Там взорванной гостиницы руины,
там снять могли с прохожего часы,
облазили от солнца плечи, спины,
ну и носы, конечно же, носы.
Не все отцы ещё вернулись с фронта,
и фрицев пленных гнал с работ конвой;
ещё эсминцы возле горизонта
на Севастополь шли иль от него.
Мать с тёткой на работе. Год – до школы.
Сбиваться в стаи. Врать. Курить. Дружить.
Но летом жизнь всегда была весёлой,
нам только бы вот зиму пережить.
Напротив «Ореанды» – пляж ничейный.
О время беспризорщины и драк!
Ещё не знали кожаных мячей мы,
зато гоняли банки только так.
А то, что без рентгена рёбра видно,
что в класс пришёл, а он – неполный класс,
нам наплевать... и лишь сейчас обидно,
что с каждым годом меньше, меньше нас...

АЛЕКСАНДР СКЛЯРУК

Евпаторийский поэт, переводчик, педагог, журналист Александр Семёнович Склярук родился в 1952 году в Евпатории.

В 1971 году окончил Днепропетровский политехникум в 1977-ом – Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В. Брюсова. Учебу совмещал с работой в Союзе писателей Армении. Принимал участие в подготовке к изданию книг поэтов-переводчиков.

С 1977 по 1978 год работал учителем в селе Дзорап Аштаракского района Армении.

С 1978 по 1985 год – методист и экскурсовод Евпаторийского бюро путешествий и экскурсий, педагог-воспитатель общежития и преподаватель ГПТУ – 19.

С 1985 по 1987 год – заведующий лабораторией кафедры иностранных языков в Харьковском автомобильно-дорожном институте, преподаватель русского языка в электротехническом техникуме, а с 1988 по 1990 год – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Харьковской областной школы-интерната №4.

Принимал участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении в 1988 году.

С 1990 года А. Склярук работал учителем русского языка и литературы в детском санаторном комплексе «Прометей». В 1991 году основал воскресную армянскую школу, которой руководил и преподавал историю армян Крыма.

С 1993 года является заместителем председателя Евпаторийского городского отделения Крымского армянского общества (ныне – Местная армянская национально-культурная автономия городского округа Евпатория), принимает участие в осуществлении широкой программы развития общины, организации работы, обучения, культуры.

С 1993 по 1997 год – член правления общества «Украина – Армения».

С 2008 года является председателем общественного совета при управлении межнациональных отношений Евпаторийского городского совета.

С 1994 года – корреспондент газеты «Голубь Масиса».

С 2002 года – член Союза крымских армянских писателей.

С 2013 года – член президиума КРО Национального союза писателей Украины.

Автор поэтических сборников «Лирика», «Сокровенное», «Мелодия ветра», «Я встретил осенью весну», книги «Из путевого блокнота». Член литературного объединения им. И. Сельвинского (г. Евпатория).

Александр Склярук – лауреат Всекрымского фестиваля поэзии «Альгамбра – 2003», международного фестиваля поэзии «Чеховская осень – 2009» (г. Ялта), музыкального конкурса «Песня о Евпатории», крымского поэтического конкурса «На Евпаторийской осенней волне» (2010 г.). Он является членом оргкомитета и участником Международного фестиваля «Трамвайчик №...» (Поэтический маршрут) в Евпатории.

Отмечен почетным знаком «За активную работу» правления Всесоюзного общества «Знание» (1989 г.), благодарностями Министерства культуры, по вопросам молодежи и спорта Армении (1995 г.), правления Союза писателей Армении (1995 г.).

Награжден Почетными грамотами Президиума Верховной Рады АРК (2002 г.), КАО (2005 г.), а также дипломом культурно-просветительного центра «Дружба» Министерства культуры и искусств Украины.

В 2003 году награжден юбилейной медалью «2500 лет Евпатории», Почетной грамотой городского головы (2002 г.), неоднократно награждался грамотами исполнительного комитета городского совета и благодарностями городского головы.

В 2006 году награжден памятной медалью им. И. Айвазовского, а также занесен на городскую Доску почета, отмечен дипломом участника 7-го Международного фестиваля «Гезлев – Къапусы – 2010».

В 2007 году награжден Грамотой оценки заслуг и благословения Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви, архиепископа Григориса Буниатяна.

В 2008 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры АРК».

В 2010 году награжден Грамотой Рескомнаца АРК.

Александр Склярук – лауреат конкурса «Общественное признание» (2012 г.).

Награжден Грамотой Патриаршего благословения и признания заслуг Католикоса всех армян Гарегина II и высшим почетным орденом Армянской Апостольской церкви «Сурб Саак – Сурб Месроп» (2012 г.). В этом же году ему была вручена высшая награда Крымского армянского общества – Золотой знак. В 2013 году А. Склярук награжден Почетной грамотой Кабинета Министров Украины и медалью.

Очень жаль

Когда в глазах непониманье,
Когда сверлит холодный взгляд,
Нет промедленью оправданья
И нет пути уже назад!

Не станут радостны рассветы,
Друзья же станут вдруг чужими...
Напрасны, кажется, советы...
А, значит, нет, не так всё было...

Казалось, кто уже поможет,
Да и поможет здесь едва ли...
Поверить в это очень сложно,
Но нужно верить, мне сказали...

* * *

Когда в мой мир приходит утро,
А ты вдали и не со мной,
Воспоминаний перламутры
Пронзают острою струной...

Твой взгляд желанный повторится,
Меня вдруг снова опалит...
Твои огромные ресницы,
Глаза и всё твоё манит...

* * *

Лети ко мне, лети, моя звезда...
Закрой своим далёким нежным светом
Переживаний мглу, тоски ночной пожар...
Открой полотна утренних рассветов.

Тобою озарён, я к ней одной стремлюсь,
К своей мечте на вечное свиданье
С улыбкой на устах, преград ведь не боюсь,
Лечу сквозь мглу далёких расстояний...

* * *

Пишу тебе стихи, сонеты,
Слагаю строки в лабиринт.
Как много слов на этом свете
Играют с чувством в новый спринт...

* * *

Прожив на свете много лет,
Стараюсь дать себе совет,
Как можно грустное забыть,
Что делать, чтоб счастливым быть?
Как жить, чтоб стало ненапрасным
То общее, что стало частным...
И в чем быть «против», в чем быть «за»...
Но где же, где твои глаза?

* * *

Раз мы на свете появились
И этой радостью живем,
Сны и печали нам открылись,
С мечтой одной всегда вдвоем...

Надежда, нежность и отрада,
Любви и счастья торжество...
И больше ничего не надо,
Лишь лет желательно по сто!

* * *

Сердцу не прикажешь –
Боль же не отнять...
Что себе сам скажешь –
Здесь судьбы печать...

Мучает тревога,
Стало вдруг невмочь...
Обратился к Богу,
Чтоб он смог помочь...

Он же мне ответил:
– Потерпи еще!
Путь далекий светел,
А за ним свой счёт...

В доме мама рядом,
Дочери в тепле...
Лучшая награда -
Жить мне на земле...

* * *

Скажи мне ласковое слово,
И мир покажется иным:
Красивым, нежным, добрым, новым,
Счастливой явью, дорогим...
Скажи мне только одно слово!

* * *

Сломалась «машина удачи»,
Как хрупкое жизни стекло.
И сразу всё стало иначе,
И лучшее снова ушло...

А я тороплюсь удивляться,
Пою и смеюсь, и грущу...
Как будто бы снова мне двадцать...
Удачу повсюду ищу...

* * *

Холодной россыпью предстала
Своими буднями судьба...
И оказалось, что застала
Уже врасплох моя беда...

А я всё ждал, а я всё верил
На том далёком берегу,
Где открывались счастья двери...
Но ждать я больше не могу...

* * *

Четыре остановки –
Загадочный мой путь...

Четыре остановки –
Былого не вернуть...

Четыре остановки –
Путь к свету торжества...

Четыре остановки –
Желанье естества...

Четыре остановки –
Преград я не боюсь...

Четыре остановки –
Я так к тебе стремлюсь...

* * *

Живу в своем чудесном мире,
Где нет ни зависти, ни лжи,
Где правит бал в волненье Лира
И не пугают виражи...

Где чувства все оптимистичны,
А цель – предельно высока...
Душевно, снова необычно
Рождается в любви строка...

Прогулка по «Малому Иерусалиму»

* * *

Воздвигнут он был на века –
Армянский древний храм.
Едина, пусть и нелегка
К нему дорога нам.
Войду и я. Наступит миг.
Колени преклоню...
Увижу пред собою лик,
Что знает боль мою...
Святой здесь Сурб Никогайос,
Взывая к небесам,
Опять прощение принес
Всем многогрешным нам.

* * *

Стремлюсь сюда я отовсюду
В родимый милый уголок,
Нигде тебя я не забуду,
Как до сих пор забыть не мог...

В субботу пожеланья шлю...
Газзан Тириаки в кенассе,
Синани, Эль, Чадык, Кушлю
И с ними караимы все...

* * *

В целебной сказке Теккие
Пленяет сердце, гордый ум
И интерес, конечно, к ней –
Волшебной Алифе-ханум.

Здесь нет привычной суеты.
Свята надежда и легка.
Волнует танец из мечты,
А мысль нежна и высока...

* * *

Здесь мудро все и первозданно,
Как много тысяч лет назад.
Здесь счастье мира так желанно
И выше всяческих наград.

И если есть сомнений много,
И много умных есть вопросов,
Всегда открыта синагога,
У ребе вдруг о сущем спросим...

* * *

Он виден всем издалека
Собор Никольский православный.
Рука Создателя легка,
А мысль – пленительна и славна...

Здесь море, чайки, берег муз...
Чудесно все, неповторимо...
Осмыслить вечное стремлюсь
И выбираю путь единый.

* * *

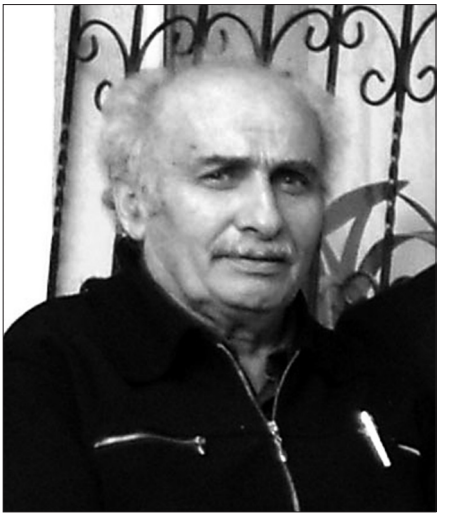
Сосед мой в сорок хил и стар...
Я ж за полвека не устал,
Не заболел хандрой и грустью...
Ищу и нахожу я русло
Моей реки надежд, сомнений,
Удач и истинных везений...
Живу я в мире нужных дел...
Ещё далек судьбы предел –
Там, где не грезится бессмертье...
Какое счастье жить на свете!
Писать стихи и улыбаться,
Любить, творить, как будто в двадцать!

* * *

Все мы наивные люди...
Совесть желания будит.
Хочется быть человеком,
Жить вровень с временем, с веком...

Жить в мире неба и солнца,
Верить в мечту дерзновенно...
Добрым – добро достаётся,
Злым – остальное, наверно...

Хочется жить – не тужить!
И продолжать эту жизнь!



МИХАИЛ ПЕТРОСЯН

Михаил Арамович Петросян родился в 1942 году в селе Мохратах Мардакертского района Нагорного Карабаха.

Закончив среднюю школу, в 1964 году поступил в Ереванский электромеханический техникум, после окончания которого с 1967 года работал на Степанакертском «Каршёлккомбинате» начальником цеха. Совмещая работу и учёбу, окончил Минский институт лёгкой промышленности.

Писать стихи начал в четырнадцать лет. Публиковался в газетах «Советакан Карабах», «Коммунист», «Авангард», «Метаксагорц».

С 1992 года М. Петросян живет в Симферополе и активно участвует в культурной жизни крымских армян. Изданы сборники его стихов «Зов Арцаха», «Легенда о любви», «Тоска рождается в дали» и рассказов «Родники рождаются в горах». Он является участником всех восьми выпусков альманаха «Родина в сердце», членом Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины, награждён памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

ԳԱՐՈՒՆԸ ՄՌԱՎՈՒՄ

Նախերգանք

Ահա Մռավը՝ քունը թոթափած,
Արցախի հողում նոր սահման դարձած,
Գարնանը ձյունե զգեստն է փոխում՝
Զմրուխտ կանաչով զուգվում-զարդարվում:

Ճերմակ գլխաշոր կապած գագաթին՝
Քրտինքն է ծորում շիկնած ժայռերից,
Վտակներ դարձած՝ դեպի ձոր վազում,
Որտեղ աղմկոտ Թարթառն է հոսում:

Իսկ խոռոչներում՝ գագաթին մոտիկ,
Որտեղ լոկ քոչվոր ամպերն են լողում,
Նույնիսկ ամառվա կրակոտ շոգին
Սառույցը տեղ-տեղ իսպառ չի հալվում:

Զմեռվա ճերմակ վերմակը նետած
Ու ջերմ արևի խուտուտից զարթնած՝
Լեռան լանջերը նոր զգեստ հագան,
Որ դիմավորեն գալուստը գարնան:

Եվ երբ կանաչեց լեռների կուրծքը,
Հովիվը բացեց փարախի դուռը
Ու հոտը քշեց դեպի սարերը.
Լսվեց նոր ծնված գառան մայունը:

Տափարակներում՝ վրանների շուրջ,
Ժիր մանուկներն են ուրախ վազվզում,
Իսկ սարվոր կանայք՝ զրույցով աշխույժ,
Օջախ են վառում ու լավաշ թխում:

Իսկ ալպիական լանջերին ծաղկուն
Ոչխարի հոտը՝ իր ներիներով,
Գլուխները կախ արոտ է անում՝
Տարված հովիվի սրինգի ձայնով։

Ներքևի ձորում՝ խոր պնդոցներից
Եղնիկ ու քարայծ իրար հետևից
Լեռն են բարձրանում՝ կանաչի կարոտ,
Խրտնում են ամեն չնչին շշուկից։

Մեկ էլ կեսօրին ամպի մի ծվեն,
Հանդարտ բազմելով լեռան գագաթին,
Մագնիսի նման ձգում է իրեն
Մռայլ ու թխպոտ ամպերի զորքին։

Հանկարծ շամփրող կայծակից հետո
Լսվում է սարսուռ պատող մի որոտ,
Իսկ հետո զարնան անձրևն առաջին
Մաքրում է վերջին բծերը ձյունոտ։

Բարձր լեռները շատ գեղեցիկ են,
Բայց բնությունն այդ շատ խաբուսիկ է,
Եթե ուզում ես հասնել բարձունքին՝
Իմացիր՝ դա շատ մեծ քաջություն է։

1

Մռավ լեռան վրա մի խառնարան կա
Լցված սառնորակ ու մաքուր ջրով՝
Դարձել է փոքրիկ, բայց խորունկ լճակ,
Որը հայտնի է Սև լիճ անունով։

Գիտնականները այն կարծիքին են,
Որ հրաբուխի խառնարանում խոր
Ափերի հալված ձյունն է կուտակվել,
Դարձել է մի լիճ շատ խորհրդավոր։

Բայց կա հին զրույց՝ դարերից եկած.
Լիճ է գոյացել ոչ թե ձնհալից,
Այլ արցունքներից ջահել աղջկա՝
Վշտացած մահից իր սիրած յարի:

Այդ լճի ափը շատ զառիթափ է,
Ասես թե քարե մի մեծ գավաթ է,
Որից չի կարող ոչ մեկը ըմպել,
Քանի որ գիտեն՝ դա մի թակարդ է:

Իսկ թե սխալմամբ ամռան շոգ օրին
Գազան կամ սողուն ջրի մոտ իջնի,
Նրան փրկություն այլևս չկա.
Հոսող ավազը ներքև կքաշի:

Հենց լճի վրա, ինչպես ուրվական,
Մի ժայռաբեկոր՝ ասես թե ծնկած,
Մի սգավոր կին գլուխն է կախել,
Ջրիմուռներ են ծամերը արձակ:

Նրա ծայրերից ջրեր են ծորում
Ու թափվում լճի խոր բաժակի մեջ,
Ասես թե ջուր չէ, այլ աղի արցունք,
Որ գիշեր ցերեկ լճակն է լցվում:

2

Ասում են՝ իբր մի ջահել հովիվ,
Տարված գեղեցիկ աղջկա սիրով,
Նրան տանում է լեռան գագաթը,
Որ նա հիանա բնապատկերով:

Նրանք՝ ձեռք-ձեռքի՝ վերևում կանգնած,
Ասես ափի մեջ աշխարհը պահած,
Հիանում էին տեսարաններով՝
Ոտքերի տակի վիհը մոռացած:

Ու հանկարծ տղան, ներքև նայելով,
Թեք լանջի վրա վարդեր նկատեց,
Ցանկացավ իջնել, որ պոկի դրանք,
Իր քաջությունը ասես ցույց տալով:

Աղջիկը խնդրեց, որ նա այդ չանի,
Բայց տղան արդեն իջել էր ժայռից,
Վարդերը փնջել ու հետ էր գալիս.
Խիճն հանկարծ սահեց ոտքերի տակից:

Ինչքան էլ տղան փորձեց պայքարել
Ու նեցուկ փնտրել սահող ոտքի տակ,
Նրա պայքարը ոչինչ չտվեց.
Անդունդը նրան իր գիրկը առավ:

Աղջիկը ճչաց, օգնություն կանչեց,
Բայց խեղճի կանչը ոչ ոք չլսեց,
Այդպես ավարտվեց կարճատև մի սեր,
Որի գարունը նոր էր սկսվել:

3

Ասում են՝ իբր վշտից ցնորված,
Այդպես էլ մնաց աղջիկը ծնկած,
Քարացավ, դարձավ մի սև ապառաժ՝
Անդունդի վրա գլուխը կախած:

Նրա արցունքից անհատակ ձորում
Մի լիճ գոյացավ շատ խորհրդավոր,
Ու դեռ ծփում է լեռների գրկում,
Այցելուներին միշտ հիացնելով:

Եվ ամեն գարուն լճի ափերին
Բացվում են շատ նուրբ, գեղեցիկ վարդեր,
Որոնք գերում են այցելուներին,
Սակայն չի հասնում նրանց ոչ մի ձեռք:

4

Իսկ Մռավ լեռը՝ նոր սահման դարձած,
Այժմ Արցախն է կիսում ստիպված,
Այնտեղ հայորդիք՝ ձմեռ, թե ամառ,
Ասես սարեր են՝ սարերին բազմած։

Սահմանից այն կողմ մեր Շահումյանն է,
Մանուկից խլված՝ մեր կտոր հացն է,
Հայի պապական ու շեն գյուղերում
Այժմ օտարն է նստում, վեր կենում։

Երկրորդ Մասիսն է դարձել Մռավն իմ,
Նորից է կիսվել երկիրն իմ արի,
Բայց կգա օրը, և նենգ թշնամուց
Մենք ետ կխլենք մեր հողը գերի։

Առաջին սերը

Իսկական սերը՝ սերն է առաջին,
Այն դեռ անմեղ է, քնքուշ, դյութական,
Երբ չկա մարմնին հագուրդ տալու կիրք,
Եվ այն կոչում են պլատոնական։

Երբ դու տեսնում ես նազանքը նրա,
Նույնիսկ շնչելն ես մոռանում մի պահ,
Իսկ երբ նայում ես լուսնին ամոթխած,
Նրա պատկերն է հառնում քո առաջ։

Իսկ երբ անունն է դառնում հարազատ,
Ինչ էլ որ հագնի՝ սազում է անչափ,
Փակ աչքերով էլ՝ գիշերվա կեսին,
Տունը կգտնես նրա անսխալ։

Նրա անունն ես գրում ամենուր՝
Գրչով կամ կավճով, տեղին-անտեղին,
Երբ գիրք ես բացում՝ դաս սովորելու,
Նրա պատկերն է խառնվում տառերին։

Երբ պապանձվում է լեզուդ ակամա,
Հենց որ ուզում ես սեր բացատրվել,
Երբ լեզվիդ վրա շա՛տ ծանր «բեռ» կա,
Ասես ուսերիդ մեծ քար է իջել:

Երբ լոկ հայացքն է ամեն ինչ ասում,
Նրան տեսնելիս՝ աչքերդ են փայլում,
Իսկ նրա մասին վատ խոսք լսելիս՝
Նույնիսկ ընկերդ է թշնամի դառնում:

Երբ նրա մատին մատանի չկա,
Ու նրա սրտում ուրիշը չկա,
Երբ նա էլ քեզ պես գիշերներն անքուն
Լուսացնում է և աչքը չի փակում:

Երբ որ առաջին բառերը սիրո
Նամակներում են միայն հայտնվում,
Տարի են դառնում կարծես ժամերը,
Երբ պատասխանն է հանկարծ ուշանում:

Դա է իսկական սերը առաջին,
Որ հոգուդ մեջ է՝ ջինջ ու անաղարտ,
Նրա հետ կապրես, թե՝ մեկ ուրիշի,
Անցած հուշերը կապրեն մշտական:

Սիրո վնասները

Սերը վնաս է բոլորի համար,
Քանզի տիրում է մտքի ծալքերին,
Քո անմեղ հոգին պղտորում է նա,
Գույներն է փոխում կյանքի պատկերի:

Գիշեր ու ցերեկ հանգիստ չի տալիս,
Սիրտդ դառնում է դյուրաբեկ անոթ,
Անկախ քեզանից՝ նրան տեսնելիս
Քեզ ողողում է մի անհուն կարոտ:

Գեղեցիկ է նա կամ էլ՝ ոչ այնքան,
Դու համոզված ես՝ հրեշտակ է նա,
Թե հանկարծ մերժի քո առաջարկը,
Կուչ կգա ցավից ամեն մի մկան:

Սերը վնաս է անչափ՝ քո կյանքին,
Եթե սիրել ես քեզնից հարուստին,
Հեշտ է գուշակել քո մոտ ապագան,
Եթե դու ունես ծակերով գրպան:

Աչքերով սիրիր, եթե կարող ես,
Նույնիսկ թագուհուն՝ թե երազկոտ ես,
Անվնաս սերը, հավատա, դա է,
Քո փրկությունը քո ձեռքերում է:

Սերը չի հարցնում հարուստ ու աղքատ,
Գալիս է, տիրում քեզանից անկախ,
Մինչև գլխի ես ընկնում դու հանկարծ,
Անբուժելի է դառնում քո սերը:

Այդ ցավից բուժում ու պրծում չկա,
Նույնիսկ երազում քեզ հանգիստ չկա,
Իսկ թե սիրածիդ խելքն էլ է այդքան,
Էլ դրանից լավ ոչ մի ցավ չկա:

Գարունը Ղրիմում

Կրկին գարուն է բացվել Ղրիմում:
Սառույցը հալվեց ոչ միայն հողում,
Այլ վաղուց այսքան ջերմության կարոտ
Եվ հույսով ապրող մարդկանց սրտերում:

Այս բազմաչարչար հողով ղրիմյան
Բյուրավոր ցեղեր եկան ու անցան,
Նրա ափերը շոյող ջրերում
Շատ օտար նավեր ջրասույզ եղան:

Դարեր են անցել այն օրհնած օրից,
Երբ ռուսն իր ոտքը դրեց այս ափին
Ու հավատ բերեց՝ խաչը փրկության,
Նոր կյանք նվիրեց ղրիմցիներին:

Բազմալեզու են մարդիկ այս հողում,
Բայց ռուսերեն են իրար հետ խոսում,
Տարբեր՝ հավատով ու նիստ ու կացով,
Այսպես է միայն մետաղը կոփվում:

Ղրիմը մի մեծ այգու է նման,
Որտեղ բազմաթիվ բույսեր են աճում՝
Բերքատու, բուժիչ, հոտավետ, չքնաղ,
Ուր մոլախոտը էլ բոյ չի քաշում:

Շատ գարուններ է այս հողը տեսել,
Բայց այն գարունը, իրոք, ուրիշ էր.
Ինչպես նորոգված սրբապատկերում,
Մայրը իր որդուն նորից է գրկել:

Խառնակիչները ինչքան էլ ձգտեն
Հավատը ընդդեմ հավատի հանել,
Մոր ձեռքը այժմ այնքան հզոր է,
Որ չար ուժերը անհետ կկորչեն:

Կուռ երակներում ավիշը հոսեց,
Եվ թերակղզում նոր կյանքը սկսվեց,
Այս անգամ արդեն ամուր ու խորունկ՝
Դարերի համար մի նոր հիմք դրվեց:

Այս հողի համար բազմաթիվ ազգեր
Մի բռունցք դարձած՝ կռիվ են տվել,
Երբ այն կոչվում էր Սովետի երկիր.
Նրանց սխրանքը պետք է միշտ հիշել:

Թող որ այս հողը միշտ խաղաղ մնա,
Մանուկը երբեք որբուկ չմնա,
Թող էլ չլինի այն կռվախնձոր,
Այլ՝ որպես տաճար բոլորի համար:

ՔԱՌՅԱԿՆԵՐ ԵՎ ԱՍԱՑՎԱԾՔՆԵՐ

Թե քարացել է հողը՝ կմեռնի,
Թե ճահճացել է ջուրը՝ կմեռնի,
Եթե չեն հիշում կենդանի մարդուն,
Ուրեմն՝ չկա՛, մեռել է վաղո՛ւց:

* * *

Ջուրը քարին ղում* կդարձնի,
Կինը մարդուն մոմ կդարձնի,
Սովը կատվին մուկ կդարձնի,
Սուտն էլ մկանն ուղտ կդարձնի:

* Ղում - ավազ

* * *

Ազատությունը գազանի պես է,
Բայց լավ է, եթե նա գիշատիչ չէ,
Խոտակերների բանը միշտ բուրդ է,
Երբ ազատ կյանքը վանդակի մեջ է:

* * *

Գազանն ինչքան էլ ձեռնասուն լինի,
Ներսում արթուն է գազանը միշտ էլ,
Հենց արյան կանչը գլուխ բարձրացնի՝
Գազան կդառնա տնային շունն էլ:

* * *

Թե միանան փորձն ու խելքը՝
Մարդը դառնում է իմաստուն,
Պնդաճակատ և բութ մարդը
Դառնում է հեզ մի անասուն:

* * *

Շունը դառնում է բարեկամ մարդուն,
Երբ ընդունում ես որպես բարեկամ,
Իսկ թե շան պես ես դու վերաբերվում՝
Նա շուն է մնում մի սովորական:

* * *

Ամենախեղճը աշխարհում հացն է,
Արժան, անարժան՝ բոլորն են ուտում,
Ամենից զորեղն էլի նույն հացն է,
Անգամ թշնամիդ ընկերդ է դառնում:

* * *

Նա մուրալով փող հավաքեց, հարստացավ
Եվ շատ շուտով մոտ անցյալը իր մոռացավ,
Փող խնդրեցին՝ ձեռքը գրպանը չտարավ,
Խորհուրդ տվեց. «Աշխատել է պետք, ա՛յ անբան»:

* * *

Պապը ապրեց հարյուր տարի,
Ծխեց ցանած ծխախոտն իր,
Մեկը լսեց բժիշկներին.
Ափսո՛ս, ապրեց հիսուն տարի:

* * *

Յուրաքանչյուր ցավ իր բուժումն ունի,
Ծերության դեմ լոկ ոչ մի դեղ չկա,
Կարող է բուժել քեզ միայն հոգիդ,
Եթե ջահել ես դու պահում նրան:

* * *

Ճիշտ չէ, երբ ասում են, թե փողը երջանկություն չի բերում: Փողն էլ կարող է երջանկություն բերել, եթե այն ազնվորեն է ձեռք բերվել, սակայն բանը նրանում է, որ նրա բացակայությունը կարող է նաև դժբախտացնել մարդուն:

* * *

Կենդանիների շատ տեսակներ լավ են տեսնում մթության մեջ, սակայն դա չի նշանակում, թե նրանք սիրում են մութը: Պարզապես նրանք լուսավոր տեղերում ապրողներից ու նրանց հալածանքներից են խուսափում, ինչը վտանգավոր է կյանքի համար:

* * *

Շները հաճախ հաչում են ինքնասիրության վիրավորվելուց, երբ նրանց վրա ուշադրություն չեն դարձնում:

* * *

Հին հարազատներն ու բարեկամները քո տան հիմքն են, իսկ նորերը՝ հավաքած քարերերով շարված պատերը, որոնք, պատը ճաք տալու դեպքում, կարելի է նորոգել ու նոր քարերով շարել, բայց հիմքը չի կարելի քանդել:

* * *

Հիմարացնել մարդկանց կարողանում են նրանք, ովքեր օժտված են հիպնոսացնելու ձիրքով և ժամանակի ընտրությունը ճիշտ են կատարել:

* * *

Մարդու կյանքը ջրի պես է, այն պետք է միշտ շարժման մեջ լինի, հակառակ դեպքում՝ ճահճանում է և դադարեցնում իր գոյությունը:

* * *

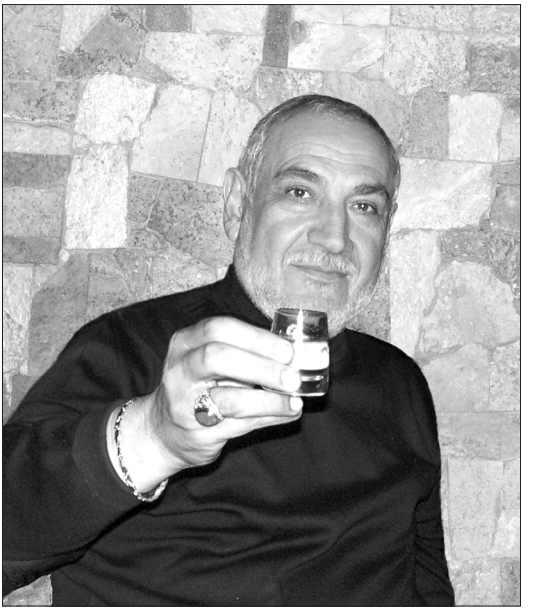
Վաճառողն իր հաշիվներում զրոն գրում է թվից հետո, իսկ գնորդը՝ թվից առաջ:

* * *

Թերություններիդ վրա ինքդ ծիծաղիր, որպեսզի չար լեզուները լռեն:

* * *

Շատ բաներ հակացուցված են առողջությանը, բայց առողջությունը ոչ մի բանի հակացուցված չէ:



СТАНИСЛАВ ЯН

Станислав Захарович Ян родился в 1944 году в городе Арташат (Армения). В 1971 году окончил Ереванский государственный университет, факультет филологии. С 1973 года проживает в Крыму.

Станислав Ян стоял у истоков образования КАО (Крымское армянское общество), является членом национального совета КАО, Союза этнических журналистов Крыма.

С 1996 по 2003 год был соучредителем газеты «Республика Крым», постоянно публиковался в крымской прессе, в том числе в журнале «Голубь Масиса», ежегодном альманахе «Родина в сердце». Он является автором телепроекта «Молодые художники Крыма», получил авторское право на телепроект «Взятка». В 1993 году С. Ян реализовал авторский проект выставки «Художники Крыма» с участием самых известных живописцев.

Член международного благотворительного клуба «Ротари».

В 1990 году возглавил первую армянскую воскресную школу и преподавал в ней.

С. Ян награжден Почетной грамотой Союза армян Украины, Золотым знаком, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, памятной медалью «650 лет Сурб Хачу», орденами Архангела Михаила V, IV, III, I степеней от Украинского патриархата за вклад в экономику и поддержку патриотизма и христианской веры в Украине, Почетной грамотой Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви.

С. Ян – заслуженный журналист АРК, член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины, пишет афоризмы, юмористические миниатюры.

ЮМОР

ЗНАКОМСТВО ПО ИНТЕРНЕТУ

– Здравствуйте, у меня очень серьезные намерения, как вас зовут?

– По-разному по интернету, по телефону.

– Хорошо, у вас есть семейные традиции, точнее – традиции на кухне? Я люблю питаться в кругу семьи.

– Да, есть. У меня грудные двойняшки. Так что первый год я вас покормлю грудью.

– Ну да, ну да. А на второй год?

– На второй год я вас покормлю манной кашей и детским питанием.

– А чем же вы сами будете питаться?

– Вы же мужчина, знаете, чем кормить женщину.

– Мамаша, если ты будешь меня кормить грудью и манной кашей, вряд ли смогу кормить тебя.

– Мужчина! Я вижув – таки порядочный человек, если мы сходим в ресторан и проведем ночь вместе.

– Мадам, вы – таки правы, но я имею вам сказать, что мой небольшой кошелек и маленький комплимент разочаруют вас.

ПОСЛЕ ВЕЧЕРНЕЙ МОЛИТВЫ

– А в чем смысл жизни, святой отец? Вот вы как думаете?

– Я, мадам, доношу слово Божье каждому и в каждый дом. Если желаете, я могу и в ваш дом донести. Вечером за чашкой кофе, после богослужения.

– Святой отец, а какие книги вы читаете?

– В основном классику, мадам.

– Утром за чашкой кофе. Святой отец, вы шалун, оказывается. Вы не только классику любите, ну и знаток фантастики, к тому же ваш ночной комплимент был в два раза больше, чем гонорар, которыйв мне дали.

– Увы, вы правы, мадам. Хороший комплимент – тоже гонорар. Так и я компенсирую свое скудное финансовое положение.

* * *

– Гражданка Иванова, почему вы разводитесь?

– Он носит узкие брюки.

– И чем это вам мешает?

– Понимаете, ваша честь, он не может их снять и спит одетым. У нас до сих пор нет детей...

* * *

Почта не отвечает за сохранность денег в конверте, если в письме написано, что там есть деньги.

* * *

Баба Клава весь день так и сидела у телевизора в ожидании прояснения диктором пасмурной погоды.

* * *

Мужчины! Если Анжелина Джоли вас зовёт в гости к себе, поезжайте, не пожалеете. В Америке есть на что посмотреть.

* * *

Он просил её руки, хотя ему всегда нравились её ноги.

* * *

– Я готов выслушать вашу просьбу, если это недорого обойдется.

* * *

– Почему сейчас избушек на курьих ножках не строят?

– Окорочка подорожали.

* * *

– От чего умерла Вера Холодная?

– От переохлаждения.

* * *

– Э-э-э, ты кто такой, за что?!

– Я добро, не слыхал, что добро должно быть с кулаками? На, получай еще!..

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

– Я был в мавзолее. А ты?

– Буду. После смерти.

* * *

– Евгений Ваганович, как у вас с чувством юмора?

– Прекрасно! Мне, допустим, очень смешно, когда смеются над моими шутками.

* * *

Кто придет к нам с мечом, тот застрянет в нашей трясине.

* * *

Ей шли шляпы с широкими полями и мужчины.

* * *

Чтобы паре жить в гармонии, надо купить гармонь.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Недавно купил книгу Похлебкина «О вкусной и здоровой пище». Занимательная. Хочу углубить свои знания. Для приобретения необходимых продуктов ищу пособие по изготовлению клише для долларов. Прошу пособие по ремонту замков не предлагать!

АФОРИЗМЫ

Человек не растворяется, пока, у него есть свое пространство. Никому не дозволено нарушить эти границы, особенно своим близким.

* * *

Рыться в чужом кармане нехорошо, но своровавное можно вернуть. А обокравшему душу вернуть невозможно.

* * *

Мужчина перестает быть самодостаточным, когда не перед кем гордиться своими успехами. Женщина – когда не для кого быть самодостаточной.

* * *

Одежда подчеркивает отношение к окружающим.

* * *

Деньги делают человека финансово независимым, но зависимым от самих денег.

* * *

Кредитная история каждого человека – это полученное генетическое наследство.

* * *

Лучшее общение между близкими по духу – это молчание.

* * *

Если приходится просить, просите у тех, кто слабее вас, и они будут благодарны вам.

Просить у тех, кто сильнее вас, значит стать слабее тех, которые были бы благодарны вам.

* * *

Не верьте тем, кто за спиной стоит. Верьте тем, кто спиной к спине стоит.

* * *

Люди и вещи, которые нам дороги, не дают нам ложиться на амбразуру. И слава Богу.

* * *

У сильных мира просите за других, но не для себя. За вас пусть попросят другие. Иначе обречете себя быть всегда зависимым.

* * *

Если хотите, чтобы о вас помнили, создавайте свой памятник изо дня в день. Если хотите, чтобы вас видели изо дня в день, поставьте памятник в один день.

* * *

У женщины должно быть много красивых шарфов, у мужчины много красивых женщин с шарфами.

* * *

Юмор – это хорошо подобранный жилет к любому наряду в любую погоду.

* * *

В отличие от женщин, мужчина никогда не говорит: «Ты не можешь дать мне то, что мне нужно».

* * *

Мужчины! Не держите на свою козочку зла, она все равно найдет своего козла!

* * *

Один в поле тоже воин. Если он хороший воин, да на своем поле война.

* * *

Замечаем печку и свечу, когда становится холодно и темно.

* * *

Мало того, что умные мысли так редко приходят в голову, но они тут же уходят. Обидно!

* * *

Обвинить невинного легко, оправдаться перед совестью невозможно.

* * *

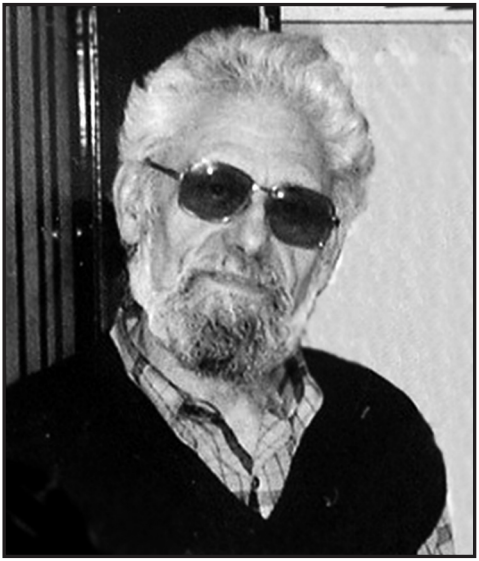
Когда хотите душу открыть кому-нибудь, лучше помолчите. Вам хватит и одного собеседника.

* * *

Уважать непросто, надо научиться просто.

* * *

Любить просто, признаваться непросто.



(1940 – 2019)

ПАВЕЛ ТЫГЛИЯНЦ-ГОЛОВКИНСКИЙ

Тыглиянц Павел Карпович (литературный псевдоним Тыглиянц-Головкинский) – журналист, писатель, художник, член-корреспондент Крымской академии наук.

Родился в г. Симферополе в 1940 году. В 1971 году окончил отделение журналистики филологического факультета Ростовского государственного университета. В 1974 году стал членом Союза журналистов СССР. Работал и печатался в газетах Крыма, участвовал в радио- и телепередачах. Более пятнадцати лет работал в качестве художника в крымских рекламно-производственных комбинатах и на предприятиях Симферополя.

П. Тыглиянц в числе репрессированных народов Крыма двенадцать лет (1944 – 1956 гг.) вместе с родителями находился на спецпоселении в шахтерском поселке Кузбасса. Реабилитирован в 2015 году. С начала 90-х годов прошлого века принимал активное участие в реализации государственной программы возвращения и обустройства депортированных из Крыма армян, бол-

гар, греков и немцев, за что был награжден Почетной грамотой Совета министров Автономной Республики Крым (1999 г.), участвовал в создании Крымского армянского общества культуры «Луйс». Теме репрессированных народов П. Тыглиянц посвятил ряд статей и очерков, опубликованных в прессе, научных сборниках, и книгу «Изгнание и возвращение» (1994 г.), написанную на основе архивных документов республик СНГ.

Участвуя в политической жизни страны, работал в партийных структурах, консультантом информационно-аналитического отдела секретариата Верховного Совета Крыма (1997 – 1998 гг.).

П. Тыглиянц – автор очерков и книг по истории, этнографии и культуре России и Крыма. В их числе – очерки, опубликованные в литературных сборниках «Крымские каникулы» (1981, 1985 гг.), путеводитель «Рабочий уголок» (1986 г., на русском и английском языках), историческая повесть «Златые силы» (2009 г.), «Профессорский уголок» (2013 г.).

В 2012 – 2015 годах был редактором научно-популярного экологического журнала «Экомир», издаваемого Крымской республиканской ассоциацией «Экология и мир» совместно с Крымской академией наук; научного журнала «Таврический вестник аграрной науки», издаваемого Научно-исследовательским институтом сельского хозяйства Крыма.

П. Тыглиянц принимал участие в организации и проведении двух международных конференций (2009, 2012 гг.), посвященных научному наследию выдающегося ученого-геолога Н. А. Головкинского (1834 – 1897 гг.), инициированных Крымской академией наук совместно с научными центрами России, был редактором сборников научных докладов участников этих конференций.

Павел Тыглиянц скончался 20 мая 2019 года в Симферополе.

СЁСТРЫ ЛАЗАРЕВЫ

Во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия мне представилась возможность познакомиться с Эдгаром Рудольфовичем Паппе. Его предки имели армянские и немецкие корни. Благодаря феноменальной памяти Эдгара Рудольфовича, нам удалось восстановить генеалогические связи нескольких известных армянских родов, проживавших на крымской земле в XVIII – XX веках, узнать адреса некоторых из здравствующих потомков. В числе этих лиц оказались и потомки многочисленного армянского рода Лазаревых.

В Москве жила Нелли Вениаминовна Татаренкова, дочь одной из трех сестер Лазаревых, участниц, как и она сама, антифашистского подполья в период оккупации Крыма немецко-румынскими войсками в 1941 – 1944 годах. Нелли Вениаминовна помогла мне восстановить некоторые факты из своей биографии и биографий её тетушек, очень скудно представленных в военно-исторической и мемуарной литературе.

Жизнь сестер Лазаревых заслуживает истинного уважения и гордости.

Лазарь Емельянович Лазарев (умер в 1905 году) был женат на Агафье Никитичне Кешишевой (1869 – 1943), служил управляющим в одном из крупных имений княгини Гагариной на Южном берегу Крыма, в радиусе современной Большой Алушты. У него было три сестры: Серафима, Мария и Анна, которым он помог получить высшее образование. В Крыму родились три его дочери – Софья (1899-1985), Наталья (1902-1967) и Евгения (1905-1985).

Все три дочери Лазаря Емельяновича учились в частной женской гимназии Е.И. Оливер, открывшейся в Симферополе в 1904 году. Русский язык и литературу здесь преподавал писатель и драматург Константин Тренев, автор известной пьесы «Любовь Яровая», где в образе героини запечатлел черты крымской революционерки Лауры Багатурьянц.

Софья Лазарева, окончив женскую гимназию, некоторое время работала библиотекарем, а затем поступила в Крымский пединститут, где получила диплом преподавателя русского языка и

литературы и до самой войны учительствовала в симферопольской средней школе № 9. Ее сестра Евгения завершала среднее обучение уже в советский период и после пединститута первые годы преподавала русский язык в татарской школе приморского городка Гурзуфа. Затем был институт повышения квалификации работников народного образования и служба в крымском наркомпросе. Средняя сестра Наталья увлеклась востоковедением, но закончить университетский курс ей так и не удалось, помешали замужество, а потом – война. Её дочь Нелли Татаренкова вспоминала о своей маме и тетушках: «Все они были очень хорошими, честными, сердечными людьми. Софья Лазаревна – учитель с большой буквы. Литература была любимым предметом у её учеников. Она умела из «отпетых» ребят делать отличников. Мама была очень тактичным человеком, очень доброжелательна ко всем. Она была добрым гением нашего дома. Евгения Лазаревна – дитя своего времени, очень прямолинейная, не терпящая никаких компромиссов...» Видимо, эти качества и послужили в немалой степени тому, что в годы оккупации Евгения Лазарева стала одним из руководителей симферопольского антифашистского подполья.

Предвидя ведение боевых действий на территории СССР, ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». В сентябре враг уже занял Симферополь. В начале октября в Керчи был создан областной подпольный партийный центр, которому предстояло формировать подпольные группы из коммунистов и комсомольцев. Независимо от этой организации готовила своих агентов и советская разведка. Но реально возникшее движение сопротивления приобрело совсем иной характер.

В городах и селах Крыма многие подпольные группы возникали стихийно: близкие по духу и патриотическому настрою люди собирались и думали, что можно сделать, чтобы хоть чем-то нанести ущерб ненавистным оккупантам, приблизить день освобождения. Так возникла симферопольская группа учителей, куда вошли сестры Лазаревы, Волошиновы, Щербина, Москвитина, Урадовы, Панова и другие. Позже к ним присоединился Анато-

лий Косухин. Его мать, Мария Косухина, преподавала в начальных классах. Они дружили с Лазаревыми. Анатолий Косухин только перешел в десятый класс. Он сам собрал радиоприемник и начал слушать передачи советского информбюро, готовить и распространять листовки.

До войны Евгения и Софья Лазаревы жили в Симферополе по улице Акмечетской, 46 (ныне – Таврическая), а Наталья Лазарева с матерью Агафьей Никитичной и дочерью Нелли – в Северном переулке. Когда немцы и румыны выселили местное население из центра города, Лазаревы сняли часть дома у Елизаветы Сергеевны Суховой по улице Островского, 6. Это был дом, окруженный глухим забором. В доме было много комнат, в которые вели двери из узкого коридора. После смерти матери туда же в 1943 году перебралась и Наталья Лазарева. Именно эту квартиру в октябре 1943 года сделали не только конспиративной, но и решили поселить в ней Ивана Козлова, назначенного руководителем Симферопольского подпольного горкома партии.

Иван Козлов в сопровождении связных Северного соединения партизан Крыма Григория Гузия и Евгении Островской был доставлен на конспиративную квартиру сапожника Ивана Бокуна. Нелли Татаренковой было тогда 15 лет, и ей хорошо запомнился тот солнечный день, когда она, в куртке и сапогах, сшитых дядей Иваном, встретила на явочной квартире человека небольшого роста в очках с толстыми линзами и проводила его в дом, где они теперь жили. Евгения Лазарева стала заместителем руководителя подпольного горкома партии, а Анатолий Косухин возглавил его молодежное звено. Комитет объединил 42 подпольные организации и группы общей численностью до 400 человек.

В задачу подпольщиков входил сбор данных о передвижениях вражеских войск, их замыслах. Отдельные группы планировали и проводили диверсионную работу. Подпольщики Иван Волошинов, который был художником, и Борис Хохлов сделали фальшивые документы для Козлова на имя Бунакова. Однако вскоре Козлов перешел на другую конспиративную квартиру, а эта оставалась для связи.

В одном классе с Анатолием Косухиным учился Элизе Стауэр

(Павлик). Он работал чабаном в Зуйском районе. Раз в неделю Элизе доставал в лесу из тайника приготовленные партизанами газеты, листовки, взрывчатку и приносил на квартиру к Лазаревым. Содержимое он вываливал прямо на кровать, в том числе и мины. Потом это надо было рассортировать и незаметно передать в диверсионные группы. Например, взрывчатку ухитрялись прятать в мешочках с мукой. Одним из издателей газеты «Красный Крым», которая печаталась в лесной партизанской типографии и переправлялась в Симферополь, был Севан Логенбашев.

В конце 1943 года начались провалы. Румынская контрразведка, создавая лжепатриотические группы, сумела выйти на след многих подпольщиков, которые в предчувствии скорого наступления советских войск утратили некоторую бдительность и допустили внедрение предателей. В это время 4-й Украинский фронт и Отдельная Приморская армия, закрепившаяся на керченском плацдарме, уже были готовы к штурму и освобождению Крыма. Но операция по стратегическим соображениям Ставки откладывалась до весны 1944 года.

Подпольщики начали менять квартиры, места встреч. Евгения Лазарева поселилась в квартире Нестеровых по улице Салгирной (ныне – проспект Кирова).

Весь период оккупации в городе работала советская разведчица, крымчанка Людмила Васильевна Скрипниченко. Её деятельность координировалась советскими чекистами из особого отдела, находившегося в ставке партизанского соединения. 4 марта 1944 года Людмила Скрипниченко была вызвана в СД (служба безопасности), где ей показали список подпольщиков и предложили войти к ним в доверие, чтобы раскрыть всю сеть организаций. Дали неделю сроку. За это время, находясь под постоянным наблюдением агентов контрразведки, «Лесная» успела многих предупредить. «В эти тревожные дни, – пишет в своей книге Галина Скрипниченко, – мама сумела побывать в разных концах города. Домой к подпольщикам она не ходила, предупреждала при встречах на улице. Так, встретив на Архивном мосту Евгению Лазареву, шепнула ей: «Будьте осторожны, за вами следят...». Уйти из города «Лесной» не удалось, 12 мар-

та её арестовали, а затем расстреляли. За два дня до вступления в Симферополь советских войск был арестован и расстрелян её муж Александр Скрипниченко.

13 марта за Лазаревыми пришли на улицу Островского, но там их уже не было. Их разыскала соседка Елена Ивановна Москвитина и дала знать: уходите. Спрятались до темноты в противотанковом рову. Вместе с подпольщиками Дановыми Лазаревы сумели незаметно уйти в партизанский лес. Месяц они находились в 17 отряде Северного соединения партизан Крыма у горы Яманташ.

13 апреля советские войска освободили Симферополь, и Лазаревы вернулись в город. 30 апреля вышло постановление СНК Крымской АССР о подготовке к призыву молодых крымчан. В их число вошли и парни армянской национальности, которые влились в состав 51-й армии и участвовали в завершающих боях по освобождению Севастополя. Представители многих других национальностей, за исключением русских, украинцев, белорусов, от призыва были освобождены до особого распоряжения или вообще призыву не подлежали.

Через два месяца, ночью 27 июня 1944 года, началось выселение из Крыма 37 тысяч армян, болгар и греков. В их числе оказались и сестры Лазаревы. Их везли в разных товарных эшелонах и в разном направлении. Случайно, на одной из станций, они встретились, и им разрешили ехать вместе. Ехали около двух недель до станции Усятый под городом Прокопьевском. Поселили в овощехранилище совхоза «Зиминский». Евгения и Софья работали учетчицами, а Наталья с дочерью Нелли – в поле. Зиму зимовали в землянках...

В августе 1945 года как участницы крымского подполья Лазаревы были освобождены от режима спецпоселения без права возвращения в Крым. Но как только такая возможность появилась, они приехали в родной город и продолжали трудиться до ухода на пенсию. Евгения Лазарева была членом бюро секции партизан и подпольщиков Крыма.

ДАЛЕКО, В СИБИРИ...

В детстве я написал рассказ, который начинался словами: «Далеко в Сибири шёл снег...». В ту пору рукописи возвращались и рецензировались, и редактор одного из московских журналов, в который я отправил свое произведение, в первую очередь обратил внимание именно на эту фразу. «Далеко от чего?» – спрашивал он меня, крымского мальчика, жившего в одном из шахтерских поселков Кузбасса, куда была депортирована наша семья. Об этом я не мог тогда написать в своем грустном рассказе.

Сибирь, эта богатая ископаемыми, историей и душевными людьми «земля потомков Ермака», действительно очень далека от Крыма. Долгие снежные зимы, обжигающие морозным 40-градусным воздухом, не дают поблажки никому – ни бывшим каторжанам, ни ссыльнопоселенцам, ни тем поселенцам, которые добровольно ещё в конце XIX века перебирались из голодных районов Поволжья в неосвоенные таежные места по берегам сибирских рек.

Совсем недавно, перечитывая рассказы Н. Д. Телешова, нашел я описание эпизодов этого переселения. Меня сильно взволновала знакомая по оставшимся в памяти детским впечатлениям картина: «Мы все знаем товарные вагоны, – писал Телешов, – но никогда не рассматривали их с точки зрения пригодности для перевозки людей... Размещаются вповалку. Когда наступает ночь, переселенцы сидят сначала на досках, на которых улечься нельзя; наконец утомление берет свое, и буквально весь грязный пол покрывается людьми; целую ночь слышатся вопли и плач детей ...»

Нечто подобное пришлось пережить сотням тысяч крымчан.

В июне 1944 года из Крыма одновременно вывезли армян, болгар и греков. Эта акция была осуществлена по постановлению Государственного комитета обороны М 5984 от 2 июня 1944 года. В числе других армянских семей была отправлена в Сибирь и наша. Эшелон из 50 вагонов шёл более двух недель. Мы тогда не знали, что конечный пункт нашего передвижения – Кемеровская область.

Мама моя вспоминала:

«В мае вывезли крымских татар. Никто не знал, куда. Потом начали ходить и переписывать оставшихся жителей. Подчеркивали национальность.

– Что, и армян будете вывозить? – спросила я офицера.

– Что вы?

А потом, ночью 27 июня, он же стоял во дворе, когда мы собирали вещи».

Это я передаю воспоминания моей мамы – Марии Алексеевны Головкинской, правнучки выдающегося ученого-геолога Николая Алексеевича Головкинского, в прошлом – ректора Новороссийского (ныне – Одесского) университета, более десяти лет посвятившего себя изучению водных ресурсов Крыма.

В 1932 году мама вышла замуж за крымского армянина Тыглиянца Карпа Авдеевича. Его предками были анийские армяне, появившиеся на полуострове в XII веке...

А теперь вернемся к рассказу:

«Я сижу с мамой. Сестра Таня зачем-то зашивает швейную машинку и закладывает в этот же мешок детские вещи. В нашем распоряжении всего полчаса.

Офицер – маме, сидящей со мной:

– Нечего обниматься.

Я бегу в дом. Вопрос:

– Зачем?

– У меня ребенок на горшке, – отвечаю, а сама хочу ещё что-нибудь прихватить из вещей. Но что именно, не могу сообразить.

Мне предлагают остаться, ведь я же русская. И дочь может остаться. Только мальчик поедет с отцом.

Но как я брошу ребенка и мужа? Конечно, я еду с ними.

Пока собрали всех на вокзал, рассвело.

...Товарные вагоны без соломы. Блохи. 14 суток везли. Останавливали не на вокзалах, а в тупиках. Привозили кашу, обычно пшенную, хлеба выдавали по 0,5 кг на человека, иногда – колбасу. Хлеб не съедали, некоторым удавалось на полустанках обменять его на другие продукты.

Туалетов не было, бегали в кусты.

С нами ехали соседи по двору – Анна Артемовна и Никита Семенович, старые больные люди. Два сына – на фронте. Всё говорили: «Господи, хотя бы выкинули в поле!».

В железнодорожном составе было 50 вагонов. Калеки, больные, одна женщина – с новорожденным. Стелили тряпки на пол и спали. Грязь. Вонь.

Приехали в Прокопьевск. Нас поместили в школу. Местные жители продавали картошку. Купили, сварили где-то.

Сказали, что повезут в совхоз.

Собрались тучи. Некоторые поехали на машине. Тут была и телега. Ехали по степи, тучи, как космы, молния. Началась гроза, лошади стали. Мы залезли под телегу и ждали, пока пройдет дождь. Когда дождь прекратился, лошади поехали, а машины застряли.

Сначала нас разместили в сараях, где были сделаны двухэтажные нары. По приставным лестницам лезли на второй ярус. Там была солома. Из щелей дуло.

Начали ходить на работу в совхоз, сначала только муж, а я оставалась с детьми, но потом и меня стали отправлять. Уходили далеко в поле, пололи и окучивали картошку. Цапки приносили с собой в сарай. Одна женщина оступилась, слезая с лестницы, и попала ногой на лезвие цапки. Сильно кричала от боли.

Во время перерыва надо было успеть детей покормить. И снова в поле.

Местные относились к нам сочувственно.

Женщина: «Говорили, что тут все изменники, а мы уже поняли, что это не тот народ: тут просто люди с детьми, старики, какие же это изменники?»

Она сама была выслана за темные дела. Гуляла в Одессе, обобрала сожителя в гостинице, рассказывала об этом не скрывая.

Здесь никто не интересовался национальностью, среди нас были и болгары, и греки...

Лето миновало. Стало холодно. Пошёл снег. Мы сами строили домики с двумя выходами. Забивали столбы, переплетали лозой, обмазывали глиной и ставили печи. В одном доме с нами жили

семьи: женщина-бухгалтер и двое стариков. С наступлением сильных холодов жить в этих домиках стало невозможно.

В ноябре мы переехали в деревню Кринички, где жили в доме у Коростелевых. У них было два сына — Иван и Виктор. Иван был сущий зверь, а Виктор, которого Иван постоянно бил кнутом, – добрый парень.

Прошла зима, и в марте 1945 года переехали в «Полысаево», подсобное хозяйство возле г. Ленинска-Кузнецкого. По дороге туда простудились. Когда приехали, управляющий говорит:

«Сказали, привезут рабочую силу. Да какая же это рабочая сила?»

Я сильно заболела и не могла ходить на работу.

Управляющий все жаловался:

– Что за жизнь?

Его все ругали за плохое руководство. Позже узнали, что он застрелился.

Искали врачей среди спецпереселенцев. Мой муж Карп Авдеевич ещё во время Первой мировой войны получил при Керченском лазарете специальность полкового или эскадронного фельдшера. У него была хорошая практика дерматолога. Так мы переехали на шахту имени 7 Ноября или попросту – «семерку». Там при Байкаимской поликлинике он получил должность субординатора. Это было в мае. Сначала мы квартировали в доме медсестры. Он стоял на краю оврага в долине реки Ини.

В июне нам выделили двухкомнатную квартиру в бараке № 2 по улице Менжинского, а потом в бараке № 10.

Летом, в середине июня, здесь наступает сильная жара, это причуды континентального климата. Со стороны узкой, но глубокой реки Ини, берущей начало где-то на Алтае, вечерами тянулись беспощадные стаи комаров. Их присутствие не было безобидным: время от времени давали о себе знать вспышки малярии, и тогда всех подряд заставляли принимать желтые таблетки акрихина. Людей, которые разносили по домам эти таблетки, называли акрихинизаторами. В их числе была и моя мать.

Сразу за двухэтажными деревянными бараками, построенными фахверковым способом из досок и опилок немецкими спец-

переселенцами из Поволжья, которых эта участь постигла через два месяца после нападения Германии на СССР, начинались угольные шахты.

Кузбасский уголь залегает неглубоко, и его добывают не только подземным, но и открытым способом. Тысячи тонн горной породы, которые выбрасывают при этом на поверхность маленькими вагонетками, формируют особый архитектурный облик шахтерского поселка: высоченные слегка дымящиеся терикоиы, по склонам которых мы, мальчишки, любили скатываться вниз, перемежались с обвалами, возникающими на местах старых неглубоких выработок.

Интересное соседство было в нашем бараке. Рядом находилась квартира коменданта, к которому мои родители ежемесячно ходили в комендатуру отмечаться о своем наличии и фиксировать все семейные изменения. На втором этаже жил прокурор. Напротив – сорокапятилетний мужчина, отсидевший 25 лет за убийство. В нашем подъезде была квартира, в которой со своей внучкой жила старушка Итс – бабушка известного у нас в стране ленинградского этнографа Рудольфа Итса. Многодетной была семья немцев Габих, их отец зарабатывал на жизнь фотографией и игрой на скрипке.

Моя мать несколько раз писала письма в Кремль на имя Сталина и его приближенных. Она надеялась, что не только имя её деда Н. А. Головкинского и его заслуги, но и связь моего отца с партизанами в период оккупации, оказание им помощи медикаментами позволят добиться освобождения из неволи. Но все оставалось без ответа.

Очень редкими были попытки несчастных людей скрыться от системы спецпоселения, иными словами, совершить побег из никем не охраняемой местности. Такие попытки чаще всего заканчивались плачевно.

Эту историю рассказала мне в Симферополе Ольга Ивановна Азнаурьянц, муж которой в какой-то ветви приходится родственником замечательному французского певцу Шарлю Азнавуру.

В Ялте, на Нижнеслободской улице, жил некогда чувячник Микаэл Степанович Азнаурьянц. Его лавка располагалась непо-

далеку от современного рынка, ближе к морскому порту. Первая жена Микаэла – Агита умерла. От второй – Новард было у него пятеро детей, и среди них – Товмаз. Несмотря на первоначальное неодобрение отца, Товмаз женился на русской девушке Ольге Платошиной. Так Ольга Ивановна вошла в армянскую семью... В 1944 году, в то время, когда молодые мужчины находились на фронте, свекровь и свекра, а также их дочь Тамару выслали в Уфу.

Оставшись одна, Ольга Ивановна уехала в Краснодар, а через некоторое время, после окончания войны, решила навестить родственников-спецпереселенцев. Увидев, как они живут, пустилась на отчаянный шаг: ни слова не говоря, посадила на пароход, и через несколько дней они уже были в Краснодаре. Жили тихо, снимали две комнаты и думали, вдруг обойдется. Но сотрудники НКВД не дремали. А может быть, кто-то донес. Во всяком случае, беглецов вернули на место ссылки.

К тому времени вступил в силу закон 1948 года, и Товмаз Микаэлович попал в тюрьму. Когда пришло освобождение 1956 года, Азнаурьянц тоже надеялся на скорую свободу. Реально, до неё оставалось несколько месяцев. А пока из мест заключения просил прислать сала, ниток, немного табаку и носки. Когда посылка была подготовлена к отправке, узнали, что старик внезапно скончался. В Уфе родственникам показали могилу, над которой стоял деревянный крест...

Сразу после смерти Сталина руководители черной акции Берия и Круглов, предчувствуя неизбежность мрачных для себя последствий, поспешили подготовить проект, по которому предстояло освободить около двух миллионов спецпереселенцев, включая детей до 16 лет и некоторых женщин, с учетом их национальной принадлежности. К тому времени всех переселенцев из Крыма насчитывалось около 205 тысяч.

К 1953 году количество армян, числившихся на спецпоселении, было чуть более восьми с половиной тысяч. Они жили вместе с греками и болгарами, то есть, в одних и тех же областях, но нигде не было крупных компактных поселений. В количественном отношении это выглядело так. В Молотовской области (ныне Пермская) на учете состояло 1835 человек, Свердловской

– 2858, Кемеровской – 1385, Гурьеваской – 478, Башкирии – 941, Марийской АССР – 282 человека.

Подготовка к первому этапу снятия правовых ограничений с отдельных категорий спецконтингента началась в 1954 году. Оформление спецдокументов велось следующим образом. Офицер местной комендатуры приглашал на допрос поодиночке сначала главу семьи, а затем остальных её членов, достигших шестнадцатилетнего возраста. Комендант предупреждал об ответственности за дачу ложных показаний, а задавал первый вопрос:

– Можете рассказать свою биографию?

– Да.

– Расскажите.

Следовал рассказ.

– За что вы были высланы из Крыма?

– Не знаю. Это случилось ночью...

Комендант вел протокол допроса, кратко записывая вопросы и ответы, а в конце добавлял фразу: «Текст протокола оглашен вслух. С содержанием согласен» и предлагал подписать.

После этого спецпереселенец писал заявление на имя министра МВД Берии, в котором также рассказывал свою биографию, давал сведения о составе семьи, добавлял, что никаких дел, связанных с оккупантами в 1941-1944 гг. в Крыму, не имел, и просил снять правовые ограничения с него и семьи.

На местах (для нашей семьи это был Симферополь) работники органов внутренних дел и госбезопасности собирали данные, которые сообщали засекреченные агенты, среди которых могли быть и обитатели дома или улицы, где в период немецко-румынской оккупации проживал высланный, и фиксировали эти сообщения как информацию от зашифрованных источников. Шифр, как правило, состоял из буквенных аббревиатур.

К полученным документам прилагались местные характеристики, выданные руководителями предприятий или учебных заведений, характеристика районного коменданта, который в свою очередь отправлял пакет в городской отдел МВД. В рапорте на имя своего вышестоящего начальника он писал фразу пример-

но такого содержания: «В связи с тем, что компрометирующих материалов на семью такого-то нет, считаю возможным сделать вывод о целесообразности снятия с неё правовых ограничений спецпоселенцев».

Пакет этих документов шёл по инстанциям, дополняясь визами и подписями, пока его не доставляли в Москву. Здесь работала созданная по поручению Президиума ЦК КПСС комиссия в составе генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, министра внутренних дел С. Н. Круглова, министра госбезопасности И. А. Серова и министра юстиции К. П. Горшенина.

В мае 1954 года отдел «П» МВД СССР представил материалы, по которым Совет Министров СССР 5 июля 1954 г. принял постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». По этому постановлению дети до шестнадцати лет, а также обучающиеся в учебных заведениях снимались с учета, взрослые получали свободу передвижения в пределах республики, края, области, но не имели права поехать на свою родину или хотя бы приблизиться к ней.

Для армян поэтапный процесс освобождения полностью завершился 28 апреля 1956 года, после чего они стали уже бывшими спецпоселенцами.

Когда в Крыму начался процесс возвращения и обустройства бывших депортированных, многие из них приезжали, чтобы узнать о возможностях переезда и трудоустройства. В помещении Крымского армянского общества культуры «Луйс» мы подолгу сидели и говорили о прошлом. Меня как журналиста и историка в первую очередь интересовала судьба каждого, пережившего годы изгнания.

В числе моих словоохотливых собеседников был и педагог Гарегин Асланян. Судьба этого человека характерна для многих армян, переживших и геноцид, и депортацию.

– Когда-то в этом местечке стояло два-три дома, – рассказывал Гарегин, погружаясь в воспоминания в первые десятилетия прошлого века, – а рядом была деревня Азамат. Она принадлежала местному помещику Довлетьяну. И когда из этой деревни ехали вдоль Малой Карасу в Кабурчак или Бахчеэли (ныне село

Богатое), приходилось преодолевать трудный горный проход как раз у хутора, получившего позднее название Пролом.

Земля эта славилась изобилием, но в особенности садами, здесь выращивали яблоки знаменитых сортов и мировых стандартов. Это – не имевшие себе равных кальвин королевский, шафран, наполеон, кандиль сары-синап, белый и бумажный розмарин.

В начале XX века в Пролом приехали армяне из Турции, они спасались от геноцида. Сначала их было немного, в основном выходцы из Эрзерума, но позже приехало ещё несколько семей, живших перед этим в Сухуми и Сочи. Так выросла деревня из 28 домов.

В 1926 году на хуторе Пролом Васильевского сельсовета Карасубазарского района проживало 145 человек, из которых 139 были армяне.

– У нас была большая семья, – продолжает Гарегин. – Отец и мать были большими тружениками и нас приучили к этому.

Когда началась война, многие односельчане ушли на фронт. Оставшиеся мужчины сначала вступили в истребительные батальоны по борьбе с десантами противника, потом часть этих людей влилась в партизанские отряды.

Оккупанты всех трудоспособных людей под угрозой расстрела заставляли работать на себя, распоряжаясь всеми по собственному усмотрению. Я устроился счетоводом. Там познакомился с инженером лесного хозяйства Борисом Алексеевичем Павловым, его женой Елизаветой Константиновной и сыном Юрой. Мы решили объединить свои силы для подпольной работы. Была создана группа, возглавить которую поручили мне. В неё вошла вся наша семья. Потом к нам присоединились Аня и Оля Кулякины.

Наша подпольная группа имела конкретное задание. Инструкции я получил от офицера нашей разведки перед началом отступления наших частей. До этого я возглавлял комсомольскую организацию, и поэтому выбор остановился на мне.

Однажды ночью меня арестовали по подозрению в связях с партизанами, а к тому времени мы её действительно установили.

В Карасубазаре на допросе от меня ничего не добились и отправили в Джанкой, где располагался один из концлагерей. Оттуда направляли на строительные работы. Вместе со мной в этот лагерь попала и жена бывшего председателя колхоза Елена Ширинъян. Неожиданно нас освободили. Оказалось, отец нас выкупил через начальника лесхоза, немца Гохмана.

Когда вернулся домой, партизаны меня предупредили, что надо уходить в лес, так как за нашим домом установлена слежка. Уходили всей семьей. Мы вступили в первый отряд Второй бригады Восточного соединения. Командиром отряда был Николай Денисович Галич, а комиссаром – Леонтий Афанасьевич Уваров. В отряде была большая группа армян.

Мне было поручено вести разведку и контрразведку, участвовать в боевых операциях. Наступил тяжелый период партизанской борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в условиях нехватки продовольствия, боеприпасов, сложной и не совсем приспособленной для маневра горной территории восточного Крыма.

Наше соединение особенно активно начало действовать в момент наступления советских войск на всем полуострове в начале 1944 года.

Партизаны нашего отряда вели огонь по отступавшему противнику. В районе Старого Крыма мы встретились с частями Отдельной Приморской армии.

Когда вернулись в Пролом, наша мирная жизнь длилась недолго. Уже распространялись слухи о том, что после татар будут выселять и нас, армян. Не верилось. Но вот – ночной стук, и на пороге стоят три солдата. Сказали: вас выселяют из Крыма, берите, что сможете.

Сначала повезли до станции Сейтлер (ныне поселок Советское), потом была погрузка в вагоны. Спали все на полу. Ехали около недели, пока не прибыли в Соликамск. Оттуда по Каме и её притоку, реке Вишаре, на баржах нас переправили в Красновишерск.

Все работали на бумажном комбинате. Раз в месяц ходили от-

мечаться в комендатуру. Я был в кузнечном цехе, потом работал плотником, учетчиком...

Первоначально в паспорте было написано: «Трудовое выселение сроком на три месяца». Через два-три месяца паспорта забрали, а взамен выдали удостоверения, в которых было сказано, что мы находимся «на постоянном спецпоселении».

Я почти беспрерывно писал письма во все инстанции, считая себя не только ни в чем не виновным, но и действительным участником борьбы с оккупантами. Однако ответ всегда был один: «В просьбе отказать».

Вскоре мы похоронили отца. Однажды я написал письмо на имя генерального прокурора и снова отказ.

Но вот в 1948 году меня вызвали в комендатуру и показали правительственное письмо. Там было сказано, что на основании многих документов, подтверждающих мое участие в подпольной и партизанской борьбе, семья наша освобождена от спецпоселения...

Такими счастливцами оказались тогда единицы. Лишь некоторым семьям разрешили в 1948 году переехать в Узбекистан. Большинство армянских семей, высланных из Крыма в 1944 году, получило право покинуть эти места лишь после 1956 года. Далеко не все воспользовались этим правом.

ВАРТАН ГРИГОРЯН

Вартан Валериевич Григорян родился 7 июня 1970 года в пгт Гадрут Нагорно-Карабахской автономной области в семье служащих. В 1987 году окончил СШ № 3 им. А. Грибоедова в г. Степанакерте. В 1988 году был призван на службу в Советскую армию, служил в г. Мурманске. Как отличник боевой и политической подготовки был направлен политотделом КСФ в 1989 году на учебу в Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище. Окончив его в 1993 году, он по собственному желанию увольняется из армии в звании лейтенанта запаса ВС и поступает на службу в органы МВД. С 2006 года – пенсионер МВД, майора запаса. За время службы награждался нагрудными знаками «За отличие в службе» I и II степени, «За безупречную службу» II и III степени, а также грамотами Центрального районного и Симферопольского городского советов.

С 1990 года активно участвует в культурной и общественной жизни Региональной армянской национально-культурной авто-

номии Республики Крым (РАНКАРК), являлся членом национального совета и исполкома. Вартан Григорян – автор многих статей, периодически печатается в СМИ, в том числе в журнале «Голубь Масиса». В 2009 году вышла его книга «Великая Отечественная война. Армяне в боях за Крым». За активное участие в культурной и общественной жизни армянской общины награжден грамотами и памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

В настоящее время – председатель комиссии по военно-патриотическому воспитанию. Занимается поисковой работой, воскрешает из небытия имена соотечественников, которые в годы Великой Отечественной войны сражались и погибли в боях за Крым. За успехи в поисковом деле в 2015 и 2016 годах награжден благодарностями Совета министров и Государственного Совета Республики Крым, а в 2018-ом – медалью «За заслуги в поисковом деле» Госсовета РК.

Член Союза крымских армянских писателей.

Жизненное кредо: сохранение армянских традиций и культуры, их популяризация, военно-патриотическое воспитание молодёжи. Хобби: история, краеведение.

ВОИНЫ-АРМЯНЕ В БОЯХ ЗА КРЫМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

XX век оказался самым кровавым в мировой истории. На этот век пришлись две мировые войны, унесшие жизни десятков миллионов людей. Наиболее драматично это проявилось в жизни одного из древнейших народов мира – армян. Геноцид армян, который в 1894-1896, 1909 и 1915-1923 гг. организовало и осуществило высшее турецкое руководство, оставил неизгладимый, глубокий след в жизни каждого армянина. Цивилизованная Европа безмолвно лицезрела истребление турками на протяжении последней четверти XIX – первой четверти XX веков более 2,5 миллиона армян, более 1,5 млн. из которых пришлись на годы Первой мировой войны...

Прошло несколько десятилетий. Над миром нависла угроза фашистского порабощения. Почти вся Европа была завоевана Германией. Дать достойный отпор и внести свой весомый вклад в полный разгром немецко-фашистских захватчиков сумела лишь многонациональная Красная армия Советского Союза. Показывая примеры мужества, рождались истинные герои всех национальностей от рядового до генерала. Против фашистов сражались около 600 тысяч армян. Более 200 тысяч из них, сражаясь с фашистами, погибли или пропали без вести, в том числе около 50 тысяч в боях за Крым. В годы войны на разных фронтах с фашистами сражались 65 генералов-армян, один адмирал флота и один маршал авиации!

7 уроженцев Армении разных национальностей и 103 воина-армянина за подвиги, совершенные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, стали Героями Советского Союза. За освобождение Крыма были удостоены звания Героя Советского Союза 126 советских воинов, в том числе 15 представителей Армении, 13 из них – в боях за Севастополь. Вот их имена: Айдин Арутюнян, Эдуард Асадов, Агван Бабаян, Симон Багдасарян, Иван Исаков, Акоп Манукян, Анатолий Марков (Маргян), Арутюн Мкртчян, Вардкес Ростомян, Ишхан Сарибекян, Нельсон Степанян, Сурен Тащиян, Хорен Хачатрян, Арутюн Чакрян. В

боях за Крым Героями Советского Союза также стали уроженцы Армении – русский Ефим Удальцов и грек Константин Хаджев. В боях за освобождение г. Армянска звание Героя Советского Союза получил Рубен Акопян. 27 воинов-армян стали полными кавалерами ордена Славы, многие из которых получили ордена Славы III и III степени, сражаясь в боях за освобождение Крыма, среди них в составе 89-й СД – 8 бойцов.

Звание Героя Советского Союза в боях за Крым первым из армян получил 22 января 1944 года командир сторожевого катера СК-0102 2-го дивизиона СК ЧФ, старший лейтенант Анатолий Марков (Маргян). Он отличился в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции в ноябре 1943 года. Последним, кто в боях за Крым получил звание Героя, был летчик 32-го авиаполка Сурен Тащиев (посмертно, в соответствии с Указом Президента России в 1995 году). Среди сбитых им 12 самолетов противника, 6 из которых – тяжелые бомбардировщики, один был под управлением командующего авиацией крымской группировки генерал-лейтенанта фон Руппе.

Оборона Крыма и Севастополя. Керченско-Феодосийская десантная операция. В годы Великой Отечественной войны Крымский полуостров стал местом ожесточенных сражений. Показывая примеры мужества, в боях за Крым погибли или пропали без вести около миллиона солдат и офицеров многонациональной Красной армии, могилы которых в большинстве не сохранились. Воины-армяне приняли активное участие в боях за Крым: в его защите и освобождении, участии в партизанском и подпольном движении. Каждый пятый армянин, призванный из Армении, погиб в годы Великой Отечественной войны в боях за Крым. А это около 20 тысяч человек. Столько же армян погибли и пропали без вести в Крыму из числа призванных военкоматами Грузинской и Азербайджанской ССР. К примеру, из Нагорно-Карабахской АО на фронт было призвано 45 тысяч человек (35% населения автономии!), 22 тысячи призывников погибли, многие преимущественно в Крыму. Но и это не полностью отражает весь масштаб потерь армянского народа. Десятки тысяч

армян призывались из Северного Кавказа, республик Средней Азии и других мест...

Большое количество погибших армян объясняется тем, что помимо участия в боях на полуострове нескольких армянских подразделений (в том числе двух стрелковых дивизий, одна из которых фактически целиком погибла), в проведении Керченско-Феодосийской и Керченско-Эльтигенской десантных операций привлекались в основном войска Закавказского и Северо-Кавказского фронтов, где после воинов славянских национальностей преобладали воины-армяне. Только в ходе освобождения Крыма более 10 тысяч воинов-армян были награждены боевыми орденами и медалями, а 15 представителей армянского народа в боях за освобождение Крыма (Керчи и Севастополя, Феодосии и Армянска) удостоены звания Героя Советского Союза.

Примеров мужества и доблести воинов-армян можно привести тысячи.

В начальный период войны с боевыми действиями в Крыму и на Черном море связано имя Героя Советского Союза, адмирала флота Советского Союза Ивана (Ованеса) Исакова, который координировал снабжение г. Севастополя.

В ходе ожесточенных боев за г. Армянск отличился командир 156-го кавалерийского полка 42-й отдельной кавалерийской дивизии 51-й отдельной армии, майор Рубен Чалманов. Решением Военного Совета Войск Крыма № 1 от 28.10.1941 г. награжден орденом Красного Знамени. Тем же приказом, отличившись в ходе боев за Армянск, орденом Красного Знамени был награжден военком батареи 141-го кавалерийского полка (42-й отдельной кавалерийской дивизии 51-й отдельной армии) Сурен Арзуманов. В этих боях успешно действовал 418-й гаубичный полк подполковника И. И. Хаханова, который во время боя 27 сентября был тяжело ранен. Защищая Симферополь, 28 октября 1941 года геройски погиб начальник штаба 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии А. О. Кургинян. Посмертно он был награжден орденом Ленина (Указом Президиума ВС СССР от 11.02.1942 г.) Его похоронили в одном из скверов г. Симферополя, а в 1946 году останки были перенесены на кладбище.

Под прикрытием огня, прямо в Феодосийский порт, прорвались советские катера и высадили первый штурмовой десантный отряд в 300 человек под командованием нашего отважного соотечественника, старшего лейтенанта Аркадия Айдынова, уроженца Северо-Кавказского города Армавир. Для врага десант был внезапным. Моряки штурмового отряда заняли причалы и мол, установили навигационные огни и обеспечили проход в бухту эсминцев и самоходных десантных судов. После освобождения Феодосии А. Айдынов был назначен комендантом города, где проявил себя, как талантливый администратор. Среди тех, кто участвовал в составе Феодосийского военно-морского десанта и выжил, дослужился до звания полковника и стал Героем Советского Союза, был уроженец Зангезура Андраник Манукян.

После успешно проведенной Керченско-Феодосийской десантной операции в феврале 1942 года на Керченском перешейке три действующие дивизии (в каждой армии по одной) были превращены в национальные воинские соединения (армянские, грузинские, азербайджанские). В 51-й армии национальной стала 390-я армянская стрелковая (командир – полковник Симон Закиян, военком Т. Шагинян). В феврале-мае 1942 года сотни бойцов дивизии были награждены боевыми орденами и медалями. В кровопролитных боях 390-я СД понесла значительные потери, в начале апреля 1942 года погибнет комдив Симон Закиян, который с почестями был перевезен в Ереван и похоронен в парке им. Кирова, посмертно награжден орденом Ленина. В командование дивизией 1 апреля вступил полковник И. И. Людников, а через 17 дней его сменил полковник А.Г. Бабаян, впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза, командир 35 механизированной бригады, действующей в составе 1-го Белорусского фронта. В одном из Приказов Крымского фронта (№ 0561 от 29.04.1942 года), в ходе которого было произведено награждение 74 бойцов 51 армии, рассказывается про командира 821-го стрелкового полка 398-й стрелковой дивизии, майора Мушега Малхасяна, награжденного орденом Красного Знамени. Этим же приказом орденом Красного Знамени был награжден красноармеец Хачатур Сукасян (Сукиасян), разведчик конной

разведки 821-го стрелкового полка, а медалью «За отвагу» – политрук 821-го стрелкового полка Роберт Исраилов.

На Керченском полуострове, в селе Глазовка, находится мемориальное кладбище, где покоятся воины и из 390 армянской стрелковой дивизии. Там, рядом со своими бойцами, похоронен и военный комиссар дивизии, полковник Торгом Левонович Шаинян (1882 – 1942), павший в героических боях за Крым.

Большую поддержку защитникам Севастополя оказывал бронепоезд «Железняков», первым командиром которого стал капитан Г. Саакян. Членом Севастопольского городского комитета обороны был Александр Акопович Петросян, заведующий промышленным отделом ГК. Примечательно воспоминание бывшего первого секретаря Севастопольского горкома партии Б. А. Борисова: «В дни обороны Петросян показал себя превосходным организатором, мужественным и неутомимым тружеником. Чтобы руководить предприятиями во время осады, надо было обладать не только светлой головой и твердой волей. Для этого требовалась огромная большевистская страсть, своего рода вдохновение, и этим вдохновением обладал Петросян. Его энергия и изобретательность поражали даже нас, не говоря о рабочих севастопольских предприятий, с которыми он постоянно имел дело». В четвертом секторе обороны Севастополя дислоцировалась 95-я дивизия, где начальником политотдела был старший батальонный комиссар М. С. Гукасян. В одном из источников полковник Гукасян указывается как начальник политотдела 388-й стрелковой дивизии. Комиссаром 25-й Чапаевской дивизии был батальонный комиссар Григорян. Военкомом знаменитой 305-й башенной батареи № 35 Береговой обороны Севастополя, впервые открывшей огонь 7 ноября 1941 года, был старший политрук А. М. Сунгурян. Тысячи армян отдали свои жизни при обороне Севастополя. Так, пал смертью храбрых заместитель начальника управления тыла Приморской армии, полковник Амаяк Меграбян, оставивший город в числе последних. В музее обороны Севастополя помещена его фотография и хранится его гимнастерка с четырьмя шпалами на петлицах. В музее также хранится шлем легендарного черноморского летчика, полковника Шаэна Аге-

гьяна, который в черноморском небе совершил более 700 боевых вылетов. В боях за оборону Севастополя были награждены более тысячи воинов-армян. К примеру, приказом по войскам Северо-Кавказского фронта № 043 от 17 июня 1942 года орденом Красного Знамени был награжден и воин-армянин – младший лейтенант А. Х. Афердьян, а ордена Красной Звезды удостоены красноармеец С. А. Баграмов, политрук Б. М. Григорьянц, санинструктор Г. К. Никольян. Таких приказов – сотни.

Подпольное и партизанское движение. Сотни крымских армян были вовлечены в подпольную работу по всему Крыму. Несколько десятков из них погибли. В структурной схеме подпольных организаций г. Симферополя входили десятки подпольных групп, среди них – группы под руководством армян П. П. Топалова и А. С Гюрегьяна. Карта разминирования подпольщиками (К. Матвиенко и В. Наумовым), входящим в группу А. Гюрегяна, спасла г. Симферополь от уничтожения отступающими фашистами в 1944 году. Верной помощницей и заместителем руководителя подпольного движения Симферополя И. Козлова была армянка Евгения Лазарева, которая с сестрой Софьей Лазаревой и племянницей Татаренковой выполняла десятки сложных заданий. Руководителем подпольного движения в Белогорске был армянин П. Л. Делямуре, зверски замученный фашистами в 1943 году. На территории Сейтлерского (Нижнегорского) района активно действовала подпольная группа, возглавляемая директором и старостой одного из сел Арамом Эйриян.

В партизанское движение на полуострове было вовлечено свыше 500 армян, более 70 из которых погибли. Так, в начале 1944 года численность партизан Крыма не превышала 4-х тысяч человек, среди которых только армян – 300: под началом П. Р. Ямпольского – командира Северного соединения (комиссар Н.Д. Луговой, начальник штаба Г. Х. Саркисян) воевало 774 партизана, из которых 70 армян; под началом В. С. Кузнецова – командира Восточного соединения, воевало 687 партизана, среди которых более 100 армян; у М. А. Македонского – командира Южного соединения, сражалось 2218 партизан, среди которых около 100 армян.

С фашистами на разных фронтах достойно воевали более 4 тысяч воинов-армян, призванных крымскими военкоматами, более 1,5 тысячи из которых погибли или пропали без вести, более 500 стали офицерами (уроженец г. Армянска Петр Андреевич Чунчузов дослужился до звания генерал-лейтенанта), более 2-х тысяч были награждены орденами и медалями, а уроженец г. Феодосии Рубен Папоян стал полным кавалером орденов Славы.

Керченско-Эльтигенская десантная операция, освобождение Керченского полуострова и г. Керчи. Освобождение Крыма. Балаклава и Севастополь. Сапун-гора. Высота «Горная». 31 октября 1943 года после сильной артиллерийской канонады 1337-й стрелковый полк 318-й горнострелковой дивизии, возглавляемый подполковником Григором Блбуляном, высадился десантом к югу от Керчи – возле поселка Эльтиген, захватил плацдарм на пространстве в три километра по направлению к Керчи. Уже 17 ноября 1943 года Указом Президиума ВС СССР Г. Д. Булбулян был награжден орденом Ленина, чуть позже – орденом Красного Знамени, а за Севастополь – орденом Отечественной войны II степени. Один из героев Эльтигена, командир 195-го Новороссийского Краснознаменного горно-минометного полка подполковник Христофор Иванян пять из семи своих боевых орденов получил именно в боях за Северное Причерноморье, Новороссийск и Крым (ордена Ленина (2), Красного Знамени, Суворова 3-й степени и Красной Звезды). После войны он дослужился до звания генерал-лейтенанта, а в начале 1990-х стал Героем Арцаха (кавалер ордена «Золотой Орел» и «Боевого креста» I степени).

За участие в Керченско-Эльтигенской операции среди наиболее отличившихся и награжденных орденами Ленина – 8 сынов армянского народа, другими боевыми наградами были награждены более 2-х тысяч армян.

С Крымом связано имя командира 47-го Феодосийского Краснознаменного штурмового авиационного полка ВВС ЧФ, дважды Герой Советского Союза, подполковника Нельсона Степаняна, который, воюя за северное Причерноморье и Крым в 1941 и 1944 годах, внес достойную лепту в победу над фашизмом. Его именем названы улицы в Феодосии и Севастополе. После

завершения боев за Крым Н. Степаняна был представлен ко второй звезде Героя Советского Союза. В декабре 1944 г. он погибнет в небе над Балтикой. Герой Советского Союза, подполковник Вазген Оганесов в годы войны совершил 324 боевых вылета, провел 75 воздушных боев и лично сбил 23 самолета противника. Первые сбитые самолеты противника, как и получение первого боевого ордена, происходили в мае 1942 года над крымским небом. Выпускник Качинской военной авиационной школы пилотов (1937), Герой Советского Союза, майор Акоп Манукян в годы войны совершил 250 боевых вылетов, принял участие в 60 воздушных боях, сбил 26 самолётов противника, многие из которых – за Северное Причерноморье и Крым.

Кадры военной кинохроники запечатлели, как в освобожденный Симферополь входят танкисты 101-й танковой бригады 19-го танкового корпуса. На головном танке был командир 432-го танкового батальона, старший лейтенант П. Т. Заргарян. Это его танк первым вошел в освобожденный город. В центре Симферополя именно этому событию установлен памятник-танк. Возможно, стоит именно его танк!

Во многих воинских подразделениях, отличившихся в ходе освобождения полуострова, сражались от нескольких сот до нескольких тысяч воинов-армян, а 89-я Таманская стрелковая дивизия была национальным воинским соединением. Тысячи воинов-армян погибли в ходе освобождения Крыма, более 10 тысяч были награждены орденами и медалями. Армяне сражались во всех воинских соединениях, которые участвовали в освобождении Крыма. К примеру, в сформированной осенью 1942 года в Дагестане 77-й Симферопольской стрелковой дивизии, которая отличилась в ходе освобождения Крыма, где более 70% бойцов дивизии составляли воины славянских национальностей, сражались представители всех народов Северного Кавказа и Закавказья, в том числе более 2-х тысяч армян. Свыше 200 из них были награждены орденами и медалями в боях за освобождение Северного Причерноморья и Крыма. Из более 400 погибших бойцов этой дивизии в ходе освобождения полуострова около 50 воинов-армян, в том числе первым достигший вершины Сапун-

горы и водрузивший красный флаг капитан Арутюн Чакрян, посмертно удостоенный звания Герой Советского Союза.

В ходе освобождения полуострова отличилась 315-я Мелитопольская стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Асканаза Карапетяна.

89-я Таманская стрелковая дивизия. Проявив мужество и отвагу, за подвиги, совершенные на крымской земле с ноября 1943 года до мая 1944 года, орденами и медалями награждены более 8 тысяч бойцов и командиров трижды орденоносной 89 Таманской армянской стрелковой дивизии (командир – генерал-майор Нвер Саффарян), из которых около двух тысяч – за Керчь, более 6 тысяч – за Севастополь. Сама дивизия в боях за Керчь и Севастополь получила ордена Красной Звезды (24.04.1944 г.) и Красного Знамени (24.05.1944 г.). Почетное наименование «Севастопольский» получили 400 и 390 стрелковые полки дивизии.

Более 1500 воинов-армян этой прославленной дивизии погибли в боях на Керченском полуострове и за города Керчь, Балаклаву и Севастополь, более 250 из которых покоятся в братской могиле, на 10-ом километре Балаклавского шоссе у колхоза «Большевик». В 1961 году правительством Армянской ССР на этом месте был установлен памятник бойцам дивизии. Памятник погибшим воинам-армянам был установлен и на Керченском полуострове в селе Глазовке на средства представителей Крымского армянского общества.

Героями Советского Союза в боях за освобождение Балаклавы и Севастополя стали 5 бойцов 89 СД: старший сержант А. А. Арутюнян, лейтенант С. К. Багдасарян, старший сержант А. Р. Мкртчян, старший сержант В. А. Ростомян, старший лейтенант Х. А. Хачатрян. Получивший звание Героя Советского Союза в боях за Новороссийск и Тамань командир отделения 280-го отдельного саперного батальона 89-й СД, сапер, рядовой Д. С. Караханян покоится на Керченском полуострове в с. Глазовке.

Когда 8 мая 1944 года в ходе штурма горы Горная погиб командир 4-й стрелковой роты, лейтенант И. Л. Зурочка (посмертно представлялся к званию Героя Советского Союза, командованием ОПА награжден орденом Отечественной войны I степе-

ни), командир 4-й стрелковой роты 400-го СП, лейтенант С. К. Багдасарян принял командование роты на себя и повел бойцов в атаку. Блокировав несколько дзотов, уничтожил их гарнизон, после чего первый ворвался на вершину горы Горная, где в рукопашной схватке уничтожил гарнизон железобетонного дота. Воодушевленные примером Багдасаряна, перешли в наступление соседние подразделения полка. Гора Горная была полностью очищена от врагов. Этим самым была прорвана вторая сильно укрепленная линия обороны противника на подступах к Севастополю.

9 мая 1944 года на высоте Горная командир отделения роты автоматчиков 526-го СП, старший сержант Арутюн Мкртычян уничтожил три огневые точки противника и 30 фашистов. А 12 мая 1944 года, преследуя отступающего врага, старший сержант А. Р. Мкртычян с двумя автоматчиками по своей инициативе проник в тыл врага, где лично уничтожил 40 фашистов, и со своей группой взял в плен 35 солдат трёх офицеров противника. Он первым из бойцов 526-го СП добежал до берега моря и водрузил Красный флаг.

Несколько дзотов и более 50 фашистов в боях за Севастополь уничтожил командир отделения 7-й стрелковой роты 526-го СП, старший сержант Вардкес Ростомян, в том числе 15 – в рукопашной схватке.

Помощник командира взвода 7-й стрелковой роты 526-го СП старший сержант Айдын Арутюнян в боях за высоту Горная первый ворвался в дзот и, забросав его гранатами, уничтожил 10 фашистов. Когда были убиты командиры двух взводов, он принял командование этих подразделений на себя и успешно отразил контратаку противника. При этом было уничтожено более сотни фашистов, а 30 взято в плен.

Командир стрелкового взвода 3-й стрелковой роты 390-го СП, лейтенант Хорен Хачатурян 9 мая 1944 года в рукопашной схватке в тылу врага с 7 фашистами на горе Горная оказался победителем. Зайдя в траншеи противника, создал видимость окружения и вынудил сдаться 26 фашистов. Преследуя врага, его взвод первым прорвал оборону противника в районе водохрани-

лища. При этом взводом уничтожено 43 фашиста, а 97 солдат и офицеров взято в плен.

Полные кавалеры орденов Славы – наводчик 45 мм орудия 526-го СП, сержант Г. М. Вопанян (22.02.44 г., 26.06.1944 г.), разведчик 526-го СП, рядовой А. Г. Мелкумян (22.02.1944 г., 17.06.1944 г.), комсорг 2-го стрелкового батальона, старшина И. П. Караханян (09.03.1944 г., 16.05.1944 г.), разведчик 390-го СП, рядовой И. Г. Степанян (10.02.1944 г., 02.06.1944 г.), командир отделения 280-го отдельного саперного батальона, ефрейтор В. М. Куликян (08.06.1944 г.), сапер саперного взвода 526-го СП, рядовой О. С. Осипов (26.12.1943 г., 09.06.1944 г.), наводчик 120 минометной батареи 390-го СП, сержант С. С. Севоян (02.06.1944 г.), командир отделения 280-го отдельного саперного батальона, ефрейтор К. П. Серопян (08.06.1944 г.) ордена Славы III или III и II степени получили в боях за освобождение Крыма.

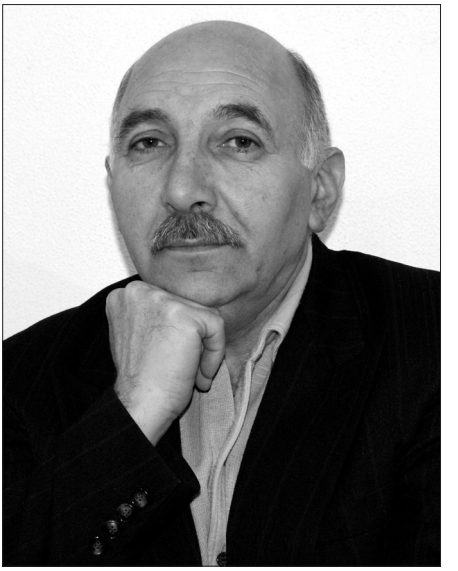
Почетные граждане города-героя Севастополя.

Архитектор В. П. Мелик-Парсаданов (1922-1991 гг.) в течение 15 лет был участником восстановления Севастополя, стал впоследствии почетным гражданином города-героя, лауреатом премии Совета Министров СССР, членом Союза архитекторов Украины и СССР, членом правления Союза архитекторов Украины. В 1960–1977 гг. он работал начальником отдела архитектуры и строительства Крымского облисполкома.

Почетным гражданином города-героя Севастополя стал генерал-майор инженерно-технической службы И. Г. Ярамышев (1906–1979 гг.). В управлении военно-технической службой авиации ЧФ служил с 1928 года.

Почетный гражданин города-героя Севастополя, поэт Эдуард Асадов, будучи командиром батареи «Катюш», в боях за освобождение Севастополя получил ранение и потерял зрение.

С послевоенным Крымом связаны имена легендарного комдива – кавалера двух орденов Ленина, трёх орденов Суворова II степени, пяти орденов Красного Знамени, Героя Советского Союза, генерал-майора Андраника Казаряна (1904–1992 гг.) и Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Ашота Аматуни (1923–2018 гг.).



РУШАН ПИЛОСЯН

Рушан Койрунович Пилосян родился в 1953 году в Эчмиадзине (Армения).

В 1976 году окончил филологический факультет Ереванского государственного университета.

В 1976–1979 годах работал учителем армянского языка и литературы в селе Личк Мартуниского района Армении, в 1979–1981 годах – методистом и экскурсоводом Джермукского бюро путешествий и экскурсий.

В 1986–1991 годах работал преподавателем факультета интенсивных методов обучения языкам Ереванского государственного педагогического института им. Абовяна, соавтор интенсивного курса армянского языка.

В 1994 году был приглашён Крымским армянским обществом (КАО) на полуостров для работы по программе возвращения и обустройства депортированных граждан Республиканского комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан АРК.

С 1994 года по настоящее время – ответственный секретарь газеты (ныне – журнала) Региональной армянской национально-культурной автономии Республики Крым (РАНКАРК) «Голубь Масиса», а с 2016 года – ответственный секретарь нового всекрымского журнала «Наш Крым».

В 1994–2014 годах работал редактором в редакции национальных программ ТО «Радио «Крым» Гостелерадиокомпании «Крым». Является одним из основателей, автором и ведущим двуязычных программ историко-культурологической («Аракял луйси»), музыкально-литературной («Сердце моё в горах») и музыкальной («Гандзер»). Особенно популярны были музыкально-литературные передачи «Сердце моё в горах», две из которых – «Дудук» и «Скрипач Карапет Айрапетян» отмечены премиями и дипломами.

В 1996 – 2001 годах работал актёром в Симферопольском театре-студии «На Москольце».

Рушан Пилосян является автором, соавтором, редактором и переводчиком многих изданий, среди которых: «Программа по армянскому языку, 1–4 классы», «Крым. Армяне. Десять веков созидания», «Народы и времена. Армяне», «В крымском доме. Армяне», сборники стихов крымских армянских поэтов, детские книги «Крымская колыбель», «Сказочное эхо» и песенник «Зангак». Он также редактор и составитель альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце».

Преподаватель и методист Нетрадиционной армянской школы имени Габриела Айвазовского.

Председатель Союза крымских армянских писателей с 2010 года.

Пишет стихи и рассказы на армянском языке, которые были опубликованы в газете «Голубь Масиса», альманахе «Родина в сердце», занимается переводами на армянский язык стихов русских поэтов.

В 2010 году вышла в свет первая книга Р. Пилосяна «И моё сердце в горах». Это сборник его стихов и переводы стихов русских поэтов. В 2014 году Р. Пилосян выпустил первую книгу анекдотов «Мой совет, или 100+1 анекдот армянского радио с

хвостом», а в 2016-ом – «Мой совет, или 300+3 анекдота армянского радио с хвостом». Годом ранее в США увидела свет первая часть сборника рассказов «Клочки памяти».

Рушан Пилосян – заслуженный журналист РК, член Союза журналистов России и Украины, награждён грамотой КАО, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, высшей наградой КАО – «Золотой знак», памятной медалью «Сурб Хач-650», почётными грамотами Гостелерадиокомпании «Крым», благодарностями Министерства образования и науки АРК, грамотами Министерства диаспоры Республики Армения.

После окончания университета я добровольно взял направление в одну из отдаленных горных деревень Армении – Личк, (в переводе – «озёра» – прим. автора). За три года учительствования в местной средней школе (преподавал армянский язык и литературу) случилось немало приключений, в основном комического характера, которые запомнились на всю жизнь. Некоторые из них вошли в сборник рассказов «Клочки памяти» под рубрикой «Личк».

ЧТО ТАКОЕ «ЕЩЁ»?

В школе Личка работал один учитель по имени Зарзанд Мужикян. Когда при нашем знакомстве он назвал своё имя и фамилию, у меня сразу возникли два вопроса: «Во-первых, почему Зарзанд, во-вторых, почему Мужикян»? Зарзанд в переводе с армянского означает «ужас, страх», а мой новый знакомый был щупленьким мужчиной, низкого роста, у него было доброе лицо, а голос мягкий и даже приятный. Ничего грозного или пугающего не было в его внешности. Однако откуда могли знать его родители, каким станет Зарзанд, когда при рожднеии давали ему имя? А какова была связь между армянской семьей и русским словом «мужик», для меня было совершенно необъяснимо.

Зарзанд Мужикян был учителем начальных классов, хотя сам окончил только семь классов. Это ещё можно объяснить. Наш герой был участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды, был дважды ранен, с фронта вернулся домой в целости и сохранности. После войны была острая потребность специалистов, в том числе – учителей, именно поэтому часто брали людей с неполным средним или с неполным высшим образованием. Было ещё одно более важное обстоятельство. В течение четырех лет войны Мужикян в какой-то степени выучил русский язык, кое-как «отличал мокрое от сухого», как говорил директор нашей школы. Кто ещё должен был преподавать в начальных классах русский язык, если не Зарзанд Мужикян? Но горе тому русскому языку, которому он учил, было бы лучше, если бы он вообще не знал его. Судите сами: товарищ Мужикян

был полностью уверен в том, что мальчики должны гогворить «он», а девочки – «она». Или он показывал свою руку до локтя и говорил: «Это рука». Потом показывал ту же руку до плеча и объяснял: «А это – руки». Такие «фундаментальные» знания Зарзанд Мужикян имел не только по русскому языку, но и во всех других дисциплинах, которые он «с любовью» передавал своим ученикам.

Много комических историй были связаны с персоной Зарзанда Мужикяна, одну из которых я и хочу рассказать.

Эта история произошла в конце пятидесятых годов, зимой.

В первом классе был урок арифметики. В конце урока Зарзанд Мужикян пытался решить одну простую задачу и на её примере объяснить принцип решения таких задач. Задача следующего содержания: «У Арама было два яблока, мама дала ему ещё одно яблоко. Сколько яблок у Арама»?

Решение задачи было столь же просто, как и её ответ: нужно к двум прибавить один, ответ будет три. Так и объяснял своим ученикам Мужикян и, довольный собой и проведённым уроком, по привычке спросил – какие вопросы есть у учеников. Один поднял руку:

– Товарищ Мужикян, а что означает слово «ещё»?

Коварный вопрос, ответа на который, к сожалению, не было у Мужикяна. Он просто не знал значения слова «ещё». В то время, как смущенный учитель в течение нескольких секунд думал о том, как выйти из этой неловкой ситуации, в уме ругая и себя, и любознательного ученика, прозвучал звонок.

– На этот вопрос я отвечу завтра, сейчас идите домой, урок окончен, – сказал Зарзанд Мужикян, вздохнул с облегчением, вышел из школы и направился домой.

Дома бедный учитель сильно напрягал свой мозг, пытаясь «логически» объяснить смысл злополучного «ещё» и его роль в задаче, но так и не смог найти разумного ответа. Тогда Мужикян решил пойти в соседнюю деревню к учителю армянского языка и литературы, чтобы спросить значение слова «ещё», так как в Личке никто не мог ему помочь. Закончив обед, он быстро оделся и вышел из дома, бросив жене:

– Я вернусь через пару часов!

Как уже было сказано, эта история произошла зимой. Снега было выше колен, трещал мороз и, как говорят, хороший хозяин даже собаку не выпустил бы на улицу. Но для Мужикяна толкование слова «ещё» было вопросом чести и престижа. Что за учитель, который не может ответить на вопросы учеников? Стыд и позор! Не говоря уже об односельчанах, которым нужен лишь маленький повод, чтобы сделать из этой истории анекдот и распространить его по всей деревне.

В те годы только можно было мечтать об автобусе или о другом способе передвижения. Самым доступным транспортом были осёл или лошадь, но у Зарзанда не было ни того, ни другого. Пришлось идти пешком. По дороге Мужикян подбадривал себя следующими мыслями: «В годы войны пешком ходил тысячи километров, видел морозы похлеще и не заболел ни разу, для меня пять километров и «родная» зима ерунда» ...

Ни на следующий день, ни в течение месяца Зарзанд Мужикян не пришёл в школу. Да, был он закалённым малым, ходил много пешком, морозов видел на своём веку немало, и местная зима может и была родной, но всё равно эти «весомые аргументы» не спасли его от пневмонии. Более того, он чудом избежал смерти. А «героические» усилия, чтобы не потерять репутацию, были тщетны. Трудно сказать, каким образом эта история пару дней спустя стала «жвачкой» во ртах односельчан, а через неделю чуть ли не весь район знал об этой трагикомедии. Как ни пытался Мужикян убедить людей в том, что всю эту историю придумали злые языки, не помогало. История о «ещё» передавалась из уст в уста в различных вариантах и стала достоянием общественности.

Уже давно нет в живых Зарзанда Мужикяна, но об «ещё» односельчане помнят и рассказывают по сей день. Наш герой волей-неволей оставил комический и уникальный след в истории «Гёла», можно сказать, увековечил своё имя из-за злополучного «ещё». Но если бы не было этого слова, то кто вспомнил бы сегодня Зарзанда Мужикяна. Не зря говорят: «Нет худа без добра».

МАТ* ЛЕГАЛЯ

Мат Легаля – красивая и быстротечная шахматная партия, которой до сих пор восхищаются любители шахмат. Впервые она встретилась в партии Легаль – Сен Бри (Париж, 1750), откуда и получил своё название. Всего семь ходов, и Легаль, который играл белыми, объявляет мат чёрному королю, до этого пожертвовав свой ферзь.

Но эта история, дорогой читатель, не о деталях этой партии и его участниках. Цитата из Википедии преследует определенную цель – не позволить, чтобы вы впали в глубокие размышления, боле того, гадали на кофейной гуще о том, речь идёт о каком пальце шахматиста Легаля – указательном или о мизинце? Речь о шахматном мате, а не пальце кого-то.

Теперь, когда все ясно и понятно (вроде бы), позвольте перейти к преамбуле рассказа...

В средней школе Личка все мужчины, без исключения, играли в шахматы независимо от того, сильно или слабо они играют, вообще умеют играть или просто выучили шахматные ходы и считали себя шахматистами.

В учительской были две шахматные доски, которые почти всегда были «в игре». Те учителя, которые имели свободные часы или уже закончили свои уроки, не спешили домой, пока не сыграют пару партий. Это называлось «расслабиться после тяжелого рабочего дня». Особенно интересно было наблюдать за такой разрядкой во время перемен, когда за пять минут участники успевали сыграть две партии. Такие блиц-партии ещё не играл ни один гроссмейстер.

Некоторые учителя, имеющие врожденный талант к шахматам, играли очень хорошо и смогли бы выполнить норму кандитата в мастера или даже мастера спорта по шахматам. Среди них особенно отличался завуч школы Санасар Петросян, которого практически невозможно было победить. Он думал очень быстро и порой играл просто блестяще. Иногда, сражаясь со сла-

*Игра слов: «мат» в переводе с армянского означает палец.

бым игроком, позволял себе убрать какую-то фигуру, к примеру, ладью или слона, и всё равно побеждал его. Другими словами, он был «на голову выше всех остальных».

Я тоже поддался этой «шахматной эпидемии», но в отличие от других слабых игроков никогда не «скрещивал свой меч» с сильными, заранее зная, что потерплю сокрушительное поражение. В то же время с удовольствием следил за игрой сильных и сражался с теми, кто играл, как я.

Чуть отходя от главной темы, скажу, что я ещё с детства любил эту мудрую игру, всегда следил за международными турнирами, особенно за поединками за мировую корону. В какое-то время был настолько поглощен шахматами, что даже купил книгу «Шахматные миниатюры» и решил серьезно заняться шахматами. Я изучал различные дебюты и партии известных шахматистов. Именно в этой книге прочитал о мате Легаля. Мне этот мат так понравился, что я запомнил наизусть все ходы этой партии и ждал удобного случия, чтобы применить его. Но здесь был один нюанс, условие, без которого невозможно сыграть эту партию: я должен был строго следовать ходам Легаля, а мой соперник – ходам Сен-Бри.

И вот однажды такая возможность мне представилась.

Была суббота, уроки уже закончились, но группа учителей, в основном сильные игроки, в том числе Санасар Петросян, «проводили очередной шахматный турнир». Точнее, Санасар по очереди играл со всеми и обыгрывал одного партнёра за другим. В этот день свои партии с Санасаром не могли свести в ничью даже сильные игроки.

Я, как всегда, когда играли сильные, был в роли зрителя. Мне интересно было следить за игрой. Не был исключением и этот день, и я не менее Санасара получал огромное удовольствие.

Наконец все повержены. Санасар на седьмом небе и в ближайшее время не собирается оттуда спускаться. Шутка ли, за один час выиграть у шестерых?

– Кто остался? – после шестой победы спросил Санасар и огляделся вокруг.

Остался я, но я «свой ум не ел с хлебом», чтобы сразиться с

чемпионом школы. Где я, где он! Я был убежден, что такая встреча невозможна во всех случаях. Но провидение приготовило мне другую судьбу.

– Не хочешь попробовать свои силы? Не бойся, давай сразимся! Хочешь, я буду играть черными фигурами, без ферзя или без двух ладьей? – дерзким и ироническим тоном сказал мне Санасар.

Это уже слишком. Такой наглый вызов для меня был оскорбительным, и как бы ни закончилась партия с Санасаром, я должен был принять вызов, чтобы сохранить уважение к себе. Но как это сделать – победить чемпиона? И в этот момент я вспомнил о мате Легаля. Подумав несколько секунд, решил, что делать и, скрывая недовольствие, спокойно сказал, но придавая голосу презрительный тон:

– Я буду играть с тобой, господин «гроссмейстер», но только если ты выполнишь все мои условия.

– Интересно, слушаю тебя! – сказал Санасар, пораженный моей смелостью.

– Во-первых, не надо давать мне фору! Во-вторых, нельзя отдавать ход назад, мы должны играть, соблюдая все правила шахмат. Далее, я буду играть белыми фигурами и, наконец, играем только одну партию.

– Принимаю все условия,– сказал Санасар, очень довольный моим неожиданным согласием. – Ну что, расставим фигуры?

Он уже праздновал предполагаемую победу и наслаждался этим счастьем.

– Расставим! – ответил я.

Я расставлял фигуры и думал: «Нужно наказать чемпиона. Пришло время мата Легаля, надо разыграть эту партию, и первой жертвой станет Санасар. У меня нет другого способа, чтобы добиться победы. Если мне повезет, и повторятся все семь ходов партии Легаль – Сен-Бри, то победа будет моей, и это будет сокрушительным ударом по его обидному высокомерию. Надеюсь, что наш чемпион не читал шахматную литературу и не имел ни малейшего представления о мате Легаля. Что ж, Боже, помоги, пусть случится чудо!»

С такими размышлениями я начал «матч века». Все присутствующие с особым интересом следили за нашей игрой. Я был более чем уверен, что все они не имеют ни малейшего сомнения в том, кто будет победителем...

Я делаю первый ход Легаля. Санасар отвечает ходом Сен-Бри. «Хорошо, – молча подбадриваю я Санасара, – так держать и далее!» Второй, третий и четвертый ходы повторяются одинаково, как было сыграно в знаменитой партии. Из семи ходов четыре Санасар «правильно» сделал. Ловушка уже готова, но мой противник не замечает её, продолжает играть спокойно и уверенно. Как будто какая-то невидимая сила ведёт его по той дороге, которая нужна мне для победы. Я тоже внешне спокойный, но внутри очень взволнован и чувствую, как мое сердце начинает биться быстрее. Я делаю пятый, роковой ход, сознательно поставив моего ферзя под удар слона противника и только в этот момент якобы «замечаю», что совершил «ужасную ошибку».

– Ой, что я наделал, как не заметил, что я ставлю под удар моего ферзя! – воскликнул я и посмотрел в глаза Санасара: проглотит ли наживку?

– Хотя мы договорились, что ходы не будем возвращать, но я позволю тебе сделать ход назад. Давай, исправь ошибку, – великодушно сказал Санасар. – В противном случае без ферзя проиграешь. Я прощаю один раз и повторяю: верни ход назад.

Стало ясно, что чемпион проглотил наживку, и мне остаётся довести до логического завершения мой замысел.

– Нет, ни в коем случае, – грустным, но голосом, не принимающим возражений, сказал я. – Сам ставил условия, надо держать свое слово.

– Как хочешь, воля твоя, – невозмутимым голосом произнёс Санасар.

Он слоном взял моего ферзя и с улыбкой сказал:

– Пора сдаваться, сложи оружия, не трать зря время!

– Я не собираюсь сдаваться, буду бороться до конца, – спокойно сказал я и объявил шах королю противника.

И только после этого наш чемпион осознал трагичность ситуации, увидел следующий ход – мат. Его лицо, которое ещё

несколько секунд назад сияло от радости, моментально погрустнело, челюсть отвисла от изумления. Какое-то время он не поднимал свой взгляд от игровой доски, тупо смотрел на фигуры, не веря собственным глазам. Затем медленно поднял голову, посмотрел на меня чуть не плача, не проронив ни одного слова.

Зрители тоже потеряли дар речи, моя победа была чем-то невероятным и лишена для них всякой логики.

– Это сон, или я пьян, что происходит, как это случилось? – воскликнул Санасар. Он, наконец, пришёл в себя, к нему вернулся дар речи.

– Как это случилось? – повторил свой вопрос чемпион. – Объясни, я не понимаю, как ты победил? Десять таких игроков, как ты, не смогут победить меня, как тебе это удалось? Что ты сделал со мной? Было бы лучше, если бы убил.

В голосе и взгляде Санасара было бесконечное страдание. Меня совесть замучила. Подумал, что очень жестоко поступил с ним, это был такой сокрушительный удар по его репутации, что он ещё долго не опомнится. Это поражение стало горьким уроком для него.

– Я помню, что мы договорились играть только одну партию, но, может быть, сделаем исключение, сыграем ещё одну?– обратился ко мне Санасар, направив на меня полные мольбой глаза.

Ясно было, что чемпион стремится к реваншу, будучи уверенным, что моя победа абсолютная случайность. Только победой надо мной он может восстановить репутацию, утраченную всего несколько минут назад. Но я не намерен был играть. В то же время меня действительно мучила совесть. Нужно было прояснить ситуацию, надо было сказать правду. Этого достаточно, чемпион наказан за моё оскорбление, и я был полностью удовлетворен. Настал момент моей «исповеди»:

– Ты замечательно играешь в шахматы, пусть простят меня ребята, но в нашей школе лучше тебя нет шахматиста. Если бы ты серьёзно занимался шахматами, то мог бы легко выполнить норму мастера спорта, как минимум. Скажу больше: если мы с тобой сыграем сотни партий, то я не сомневаюсь, что все они закончатся твоей победой. Какой я тебе соперник! Говорю искрен-

но. А что касается ещё одной партии, скажу следующее: я с тобой больше никогда не буду играть, ни сегодня, ни завтра, ни после, никогда! Я уже сказал, что проиграю все партии. Тем не менее, хочу дать пару советов, которые, надеюсь, тебе ещё пригодятся в жизни. Во-первых, быть уверенным в своих силах – это хорошо, но запомни, что непобедимых людей практически не бывает, каждый может проиграть хотя бы один раз в жизни. Во-вторых, никогда не считай других глупее себя, они могут оказаться умнее. Сегодня моя победа – тому пример. Но это еще не всё. Я хочу открыть секрет моей победы...

И рассказал о мате Легаля...

РЫБАЛКА

В озере Севан много рыбы (извините, хотел сказать, было много рыбы в те годы), но только профессиональные рыбаки прибрежных сёл знают, как и где ловить рыбу. Во-первых, у берега рыбаку делать нечего. Нужно на лодке отплыть хотя бы на две сотни метров и только там испытывать судьбу, вооружившись рыболовными снастями – удочками или сетью и такой приманкой, соответствующей предпочтениям и аппетиту здешних рыб. Во-вторых, необходимо учитывать время суток, погодные условия, температуру воды и т.д. Обо всём этом у меня были некоторые начальные сведения. Я уже около года работал в Личковской средней школе и успел получить минимальную информацию о рыбалке на Севане от местных рыбаков.

Мой друг, Вазген Ваганян, время от времени гостил у нас, когда ехал в командировку в Камо* или Мартуни**. Он заядлый охотник и рыбак и никогда не упускал повода, чтобы заняться своими самыми любимыми занятиями.

Однажды, в тёплый майский день, он приехал к нам в гости после очередной командировки. Кроме небольшой дорожной сумки, он взял с собой удочку и все необходимые вещи для рыбалки. Было ясно, Вазген приехал к нам с целью порыбачить.

---

* Камо – административный центр одноимённого района.

** Мартуни – административный центр одноимённого района.

– А где ты собираешься ловить рыбу? – спросил я его.

– Как это где? – удивился он, – озеро рядом, лучшего места не найти.

– На Севане ты рыбу не поймаешь, у тебя не получится, – сказал я и коротко, но содержательно «прочитал ему лекцию» об основах рыбалки на Севане. Не убедил.

– Мы это ещё посмотрим, – непоколебим был мой друг, – я ловил рыбу в местах и посложнее, Севан для меня что?

Бесполезно было продолжать, я Вазгена знал, ему можно доказать только на практике. Мне оставалось только согласиться, тем более, что терять было нечего: погуляем на берегу озера, поболтаем, поедим на свежем воздухе, что ещё нам нужно?

Мы втроём, вместе с моей женой, отправились к озеру. По прибытии Вазген принялся за работу: быстро подготовил удочку и начал свою «сизифову» рыбалку. Я и жена с интересом следили за действиями Вазгена, которые длились около получаса и закончились, как и следовало ожидать, безрезультатно.

– Я же говорил, что ты не сможешь, брось это гиблое дело, а ты меня не послушал, – я не упустил повода доказать, что не зря год работал в Личке: не только учил, но и кое-чему сам научился.

Настроение Вазгена упало «ниже нуля».

– Хотя бы одну рыбу поймал, не было бы так досадно, – вздохнул он. – Первый раз в жизни возвращаюсь с рыбалки с пустыми руками.

Мы с женой попытались утешить его, но ничего не вышло. Даже пикник с друзьями на лоне природы не помог. Через некоторое время, после отдыха в тени деревьев, мы отправились домой. Тропинка проходила по берегу одной из небольших речушек, которая впадает в озеро. Пройдя около полкилометра, мы дошли до относительно широкой части речки. Наше внимание привлёк необычно темный цвет воды. Мы все трое посмотрели на воду и не поверили своим глазам... Эта часть реки почернела от сотни рыб, которые кишели в воде.

– Рыбааа! – закричал Вазген.

Его глаза блестели от счастья, лицо зарумянилось от волнения, дыхание участилось. Шутка ли, после неудачной рыбалки

увидеть столько рыбы? Он быстро подготовил удочку и бросил её в воду, одновременно обращаясь к нам:

– Ну вот, теперь вы увидите, что такое рыбалка.

Рыбы, однако, «плевать хотели» как на удочку, так и на наживку. Просто полное безразличие: они спокойно плавали в речке, доводя до бешенства своим презрительным отношением и так возмущённого Вазгена. А он продолжал свою «экспериментальную» рыбалку, время от времени бормоча:

– Почему эти рыбы так упорствуют, что, очень сыты, или еда не та? Может быть, сегодня не мой день?

Терпение Вазгена наконец лопнуло. Он вытащил удочку из воды, собрал и положил на место. Потом некоторое время стоял молча, видимо, о чём-то думал.

– Нашёл! – закричал он, как-будто Америку открыл, – я этих «непослушных» рыб буду ловить майкой.

И стал быстро раздеваться. Пока я думал, как предотвратить этот более чем странный способ рыбалки, Вазген с майкой в руке вошёл в воду, которая была чуть выше его колен. Нам с женой оставалось только молча и с удивлением следить за действиями друга. Увы, эта третья попытка тоже была неудачной. Как только Вазген вошел в воду, рыба всем косяком куда-то исчезла. Вазген в недоумении и расстроенный этим «неожиданным» побегом ещё пару минут кидался то влево, то вправо, пытаясь определить координаты убежавших рыб, но так и не найдя ни одной рыбы, вышел из воды.

– Немного надо подождать, может, снова выплывут из укрытия, – обнадёживал сам себя Вазген.

Действительно, не прошло и минуты, когда рыба опять появилась. Вазген повторил попытку так же удачно, хотел сказать, так же неудачно, как и в первый раз. Рыба опять исчезла, но на этот раз мне удалось увидеть, где она спряталась. На противоположном берегу речки, в воде была растянута железная сетка, наполненная большими камнями. Именно в щелях между камнями и скрылась рыба. Я понял, что рыба из озера поднялась вверх по течению реки на нерест. С этой целью и была натянута сетка.

О моём открытии я промолчал и попросил Вазгена выйти из воды.

– Теперь я хочу попытать счастья, но без удочки или майки.

Вазген вышел из воды и обратился ко мне:

– А как ты собираешься ловить рыбу, голыми руками, что-ли?

– Да, именно голыми руками, – ответил я спокойно.

Вазген приложил большой палец к виску и покрутил, мол, сумасшедший что-ли, кто видел такое?

– Ты можешь майкой рыбу ловить, а я не смогу руками, чем я хуже тебя? – с насмешкой сказал я и вошел в воду.

Теперь настала очередь Вазгена и моей жены молча следить уже за моей рыбалкой. При входе в реку я ещё раз уточнил, что единственным укрытием для рыб являются щели между камнями. Я спокойно подошёл к сетке, просунул руку в одну из щелей под водой... и нащупал рыбу.

Приятный холодок пробежал по моему телу. Какой успех!.. Но это ещё не окончательная победа, нужно взять рыбу за голову, иначе ускользнет из рук – и всё. Несмотря на сопротивление рыбы, мне удалось осуществить свой план. Всё, рыба была в моих руках и лишена какой-либо возможности улизнуть. Остаётся только вытащить её из воды и выяснить, что это за рыба.

– Поймал, поймал, я поймал рыбу, – весело крикнул я, поворачиваясь к «зрителям», пока держа рыбу под водой. Мне, конечно, не поверили:

– Ладно, хватит выдумывать, на этого рыбака посмотрите!

Реакция Вазгена естественна, её и следовало ожидать, ведь весь день ему так и не улыбнулась удача.

– Я повторяю, рыба у меня в руках, в воде.

Они мне не верили.

– В самом деле, хватит, выходи из реки, а то заболеешь, вода холодная.

На этот раз была очередь жены вправить мне мозги.

– Ну ладно, неверующие, ловите, – сказал я и выбросил рыбу на берег, при этом закричав что-то вроде боевого клича индейцев.

Боевой клич индейцев удвоился, а то и утроился, когда рыба очутилась на берегу.

– Это кохак, – моментально определил вид рыбы Вазген, и к

боевому кличу прибавился боевой танец вокруг рыбы, который устроил мой друг. Я «разжигал огонь», бросив ещё одну рыбу на берег. Через несколько мгновений ко мне присоединился Вазген, и началась наша необычная рыбалка... Рыбы одна за другой в воздухе совершали акробатические круги и приземлялись на берегу, где их ждала моя жена. Она собирала их и клала в ведро, а когда оно заполнилось – в небольшой мешок.

Лихорадочная рыбалка могла продолжаться до наступления темноты, если бы нас не отрезвила жена:

– Мальчики, хватит, уже нет места, потом, что мы будем делать с рыбой? Так вы уничтожите всю рыбу Севана.

Мы пришли в себя от этого правильного и вовремя сделанного замечания. В самом деле, только вредительством можно назвать наши действия: всего за полчаса мы поймали больше двадцати рыбин, которые могли бы дать жизнь тысяче рыб...

Больше расстроенные, чем довольные нашей жадной рыбалкой, мы взяли улов и направились в село. По пути ещё раз горячо обсудили наш поступок, сами себя хаяли и бичевали, но, увы, уже ничего не сделаешь, назад дороги нет. Нам пришлось смириться с ситуацией и подумать, что делать с таким количеством рыбы. Кохак, очень вкусная, но очень костлявая рыба, и не каждый любит её есть. В любом случае, надо было их «реализовать». Мы пришли в село и стали оказывать гуманитарную помощь соседям. Большую часть рыбы отдали им, две штуки с трудом поели втроём, остальное Вазген забрал с собой домой.

Через некоторое время мы опять встретились, и Вазген рассказал, что три дня подряд всей семьей ели рыбу, и теперь смотреть на рыбу не могут.

– В жизни, наверное, не ел столько рыбы, притом – три дня подряд. Это и есть конец жадности, – завершил он рассказ о «рыбоедстве».

– Сам виноват, дорогой друг! – в шутку сказал я. – Это была твоя идея – ловить рыбу в озере Севан.

Вазген посмотрел на меня виноватым взглядом.

– Несмотря на то, что ты шутишь, но есть зерно истины в сказанном. Однако, если бы не моя любовь к рыбалке, то не было бы и этой истории, которую, я думаю, мы будем долго помнить,

возможно, до конца наших дней. Кроме того, это событие также имеет для нас и воспитательное значение. Вряд ли мы такое ещё раз позволим себе в будущем.

Оказалось, что это были пророческие слова. Почти сорок лет прошло с тех пор. За эти годы мы не раз рыбачили вместе, но ничего подобного больше не повторялось, и я уверен, что не будет никогда. Хотя, постойте, я ошибаюсь: историческая рыбалка всё-таки повторяется время от времени, но только... в наших воспоминаниях. Я или Вазген по разным поводам вспоминаем и рассказываем об этом, всегда «забывая» упомянуть количество рыбы (до сих пор нам стыдно за наш поступок). Но, записывая эту историю, я, исходя из воспитательных соображений, не забыл упомянуть, сколько рыбы было поймано. Пусть каждый читатель сделает свои собственные выводы и определит, что правильно, а что – нет. Иначе, зачем я изложил всё это на бумаге?..

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМИК

Как и в большинстве сёл, в Личке была одна центральная улица, которую можно было и проспектом назвать, если сравнивать её размеры с другими улицами этого же села. Там находился единственный продуктовый магазин, куда я часто ходил за покупками. Прямо напротив магазина стоял небольшой деревянный домик зелёного цвета. Он в первый же день привлёк мое внимание. Я его так и назвал «Зелёным домиком», при этом не знал, с какой целью он был построен, какое его «прикладное» значение. Он не был похож ни на жилой дом, ни на торговый или культурный объект, ни на какое-то образовательное или административное учреждение. На мой вопрос, что же это, один из местных жителей сказал, что иногда здесь собираются мужчины села, чтобы проводить свободное время. И, наконец, в один прекрасный день мне довелось узнать, как проводят время мужчины в этом домике.

Я пошёл в магазин за хлебом. Только подошёл к «Зелёному домику» и хотел повернуть к магазину, как меня окликнул молодой человек, стоящий на пороге домика:

– Здравствуйте, товарищ Гамбарян!

Я повернулся к незнакомому мужчине, подумав о том, откуда он знает мою фамилию?

– Здравствуйте! – ответил я, не останавливаясь, соблюдая правила этикета: тебе желают здоровья, и ты должен ответить тем же.

– Куда Вы направляетесь, товарищ Гамбарян? – спросил тот же голос. – Пожалуйста, заходите к нам, не стесняйтесь, – руками приглашая меня в «Зелёный домик», откуда были слышны какие-то громкие, но не совсем разборчивые мужские голоса.

Хотя мне было интересно узнать, что там внутри, но почувствовав что-то неладное, я попытался уклониться от приглашения:

– Спасибо, я спешу.

– На пару минут, – настаивал молодой человек, дружески улыбаясь.

Приглашение было совершенно искренним и бескорыстным, я это почувствовал «спинным мозгом», которому я доверял всегда, но мой внутренний голос, которому я тоже доверял всегда, предупреждал, что не следует егоп ринимать. Я сделал ещё одну попытку отказаться, но приглашающий мужчина проявил завидную волю – проводить меня в домик. Я вынужден был пойти на уступку и согласиться войти в домик «на несколько минут», как говорил мой новый знакомый. Вошёл и убедился, что мой внутренний голос был прав: надо было отказаться от этого странного приглашения...

Несмотря на густые клубы сигаретного дыма, я смог разглядеть четырёх мужчин, которые стояли вокруг одноногого стола. На нём стояли четыре бутылки водки: две пустые, одна полупустая, а четвертая, ещё не откупоренная, «нетерпеливо» ждала своей очереди. На столе были также конфеты – карамель, предназначение которых я узнал чуть позже.

Я поздоровался. Все четверо дружно и любезно ответили на моё приветствие. Тот, кто привёл меня в «Зелёный домик», представил меня:

– Это товарищ Гамбарян, наш новый учитель армянского языка и литературы, преподаёт в классе моего сына Гарика.

Я внимательнее посмотрел на молодого человека и вспомнил, что я его видел на одном из родительских собраний шестого класса. «Вот откуда он знает мою фамилию», – молча «зарегистрировал» я своё открытие.

– Пожалуйста, проходите к столу, товарищ Гамбарян, – обратился ко мне один из мужчин. – Меня зовут Джаник, давайте познакомиться.

И протянул мне руку. Пока я пожимал руку Джаника, на столе неизвестно откуда появилась чистая рюмка, которая сразу наполнилась водкой. «Началось», – грустно подумал я, понимая, что ждёт меня.

– Выпьем за наше знакомство! – сказал и протянул мне рюмку отец Гарика.

Все дружно подняли рюмки и повторили провозглашённый тост. Я хорошо знал, что если откажусь от водки, то мои «собутыльники» не только не поймут меня, но и оценят мой поступок как смертельное оскорбление. Так что, мне оставалось повторить «лозунг» данного момента, чокаться и выпить водку.

Водка была паршивая. Я с трудом её проглотил. Моё лицо скорчилось, что не ускользнуло от внимания мужчины лет пятидесяти по имени Хачатур.

– Закусывайте конфетой, товарищ Гамбарян, смените вкус во рту, – сказал Хачатур, протянув мне карамель.

«Мало мне плохой водки, теперь ещё мои нелюбимые конфеты. Они что, хотят довести меня до тошноты?!» – подумал я с отвращением.

Вслух об этом, конечно, нельзя было сказать, мои новые знакомые обиделись бы, поэтому я «разгладил» своё лицо, изобразил на нём что-то похожее на улыбку и, став жертвой вежливости, в полушутку, в полусерьез сказал:

– Спасибо, я после первой рюмки конфетами не закусываю!

«Публика» с удовлетворением приняла мой ответ, покачивая головой, мол, шутку поняли и оценили. Отец Гарика опять налил мне рюмку, не потрудившись спросить, хочу ли я выпить?

– А сейчас мы выпьем за наших детей, – сказал он и поднял рюмку.

– Святой тост, надо обязательно выпить.

Говорил Вагаршак, самый старший из этой «пятерки».

– Правильно говорит Вагаршак, святой тост, надо выпить, – одобрили своего старшего товарища другие и чёкнулись.

«Святой тост» с таким же успехом прошёл тот же путь, что и первый, при этом удваивая моё отвращение.

– А как после второй рюмки, конфетой закусываете, товарищ Гамбарян? – пошутил один из присутствующих, подмигивая мне.

Я не ответил на неуместную шутку. Была бы моя воля, я швырнул бы в него и рюмку, и бутылку, и весь этот чёртов домик, что стал причиной моих мучений. За что мне такое?..

Я лихорадочно искал выход из этой ситуации, и пока думал об «освобождении», мою рюмку снова наполнили. Никого не интересовало, хочу я этого или нет? Более того, по мнению моих «собутыльников», было очень неестественно, если кто-то отказывался от водки. «Либо болен, либо мёртв, если не пьёт». Это единственно «правильный» диагноз для тех, кто не употребляет водки вообще. Разве нормальный человек откажется от водки?

Я не знал, как избавиться от этих гостеприимных людей, чтобы не обидеть их. Не хотел оставлять впечатление неблагодарного и невежественного человека, но и так не мог продолжать. В моём желудке началась настоящая революция: он (бедный желудок) восстал против низкокачественной и отвратительной водки, угрожая «вывести на чистую воду» жидкость, которая уже стала мне врагом.

Я еле сдерживал себя, чтобы не поругать их вместо благодарности последними словами. В то же время понимал, что они не виноваты в том, что хотят по-своему угостить меня, оказав мне честь. В любом случае надо было бежать от этого гостеприимства, но как?

– Спасибо, дорогие мои, но я должен идти, – спокойно и вежливо, насколько это возможно, сказал я.

– Вай, что Вы, товарищ Гамбарян! – обиженным тоном сказал мне Джаник, – мы только начали тосты, а вы уже собираетесь уходить. Возьмите рюмки, ребята, давайте выпьем за наших родителей.

Ну, попробуй не выпить этот не менее святой тост. Завтра всё село узнает, как я люблю и уважаю своих родителей. Этой мыслью я пытался заставить себя и эту рюмочку отправить к предыдущим, чувствуя заранее все плохие последствия.

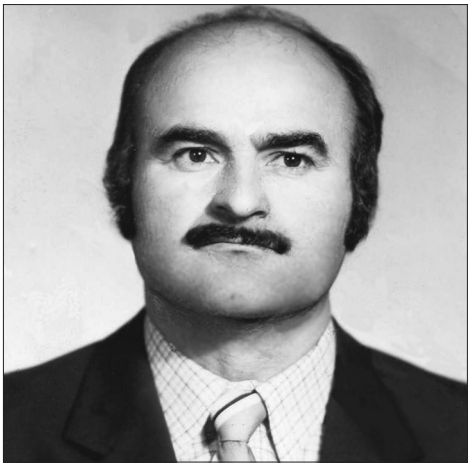
«Одна рюмка хороша, две – достаточно, третья – беда». Это наставление, вероятно, сказано для меня и на данный момент, с той лишь разницей, что и первая, и вторая рюмки похожи на третью – беда, беда!..

Только водка, выпитая за родителей, достигла желудка, как революция, наконец, достигла своей кульминации. Я едва успел вылететь из «Зеленого домика» и дать свободу вулкану, который извергался в полную силу...

– Вам плохо, товарищ Гамбарян?

Спрашивал отец Гарика, который вышел за мной, наверное, беспокоясь. Я воспалёнными глазами посмотрел на него и ничего не ответил. И без моего ответа отец Гарика всё понял и не задал больше никаких вопросов. Несколько секунд он смотрел на меня взглядом, умоляющим простить его: это же он пригласил меня в «Зеленый домик». Затем опустил глаза, повернулся и зашёл в домик. А я медленно отправился домой, забыв, зачем я пришёл в магазин...

После этого случая, когда мне надо было пойти в магазин, я шёл окольными путями, чтобы держаться подальше от «Зеленого домика» и его посетителей. Я почти был уверен, что если ещё раз повторится такое приглашение, я забуду все правила этикета и...



ВАГАРШАК МАЗЛУМЯН

Вагаршак Седракович Мазлумян родился 21 ноября 1937 года в деревне Шейх-Мамай Старо-Крымского района, Крым. С 1941 по 1944 год находился в оккупации. В 1944 году вместе с семьёй был выслан на Урал. Там окончил 10 классов. С 1957 по 1960 год служил в Советской армии. В 1963 году окончил мотоциклетный техникум в г. Ирбите Свердловской области. С 1963 по 1970 год работал инженером-технологом на вагоностроительном заводе в Днепродзержинске. В1970 году окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт. С 1970 по 1977 год работал на стройках Днепропетровской области, где прошёл путь от мастера до главного инженера строительного управления. С 1977 по 1993 год работал на стройках Армении на руководящих должностях. Строил 16-й квартал в Ереване. С 1993 года по настоящее время живёт в Крыму, посёлке Айкаван. Участвовал в его строительстве с 1993 по 1999 год. С 1999 по 2004 год работалзаместителем директора по финансово-экономической деятельности Симферопольского ремонтно-механического завода. С 2006 по 2010 год избирался депутатом местного совета.

Вагаршак Мазлумян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

ЦАРЬ ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

Продолжение. Начало в №№ 5, 6, 7, 8 альманаха «Родина в сердце».

ГЛАВА IV

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С ПАРФИЕЙ

Отшумели многодневные и пышные свадьбы в других странах, связанных с бракосочетанием армянского царя Тиграна с царевной Клеопатрой, дочерью Понтийского царя Митридата Евпатора, заслонив собою на короткое время все другие дела...

Перед началом войны с Римом в Армению Великую прибыл царь Великого Понта Митридат, чтобы заручиться поддержкой армянского царя в предстоящей войне и заодно повидаться с дочерью, познакомиться с внуком Зареем. После взаимных приветствий и объятий цари обговорили государственные дела в своих странах. Во время этой встречи Митридат старался склонить Тиграна на свою сторону, чтобы объявить совместно войну Риму, мотивируя благоприятным стечением обстоятельств:

– Мой дорогой друг и зять, сейчас самое благоприятное время для объявления войны Риму, который увяз в гражданской войне против италиков, требующих признать их гражданами Римской республики. Такого отличного шанса для нас может больше не быть.

На что Тигран ответил Митридату.

– Пока я не разгромлю Парфянскую империю, разговора о вступлении Армении Великой в войну против Рима не может быть и речи. Великий государь и мой любезный тесть, на данной стадии и тебе не советую ввязываться в войну с Римом.

– Таким благоприятным моментом не воспользоваться, это будет большим просчётом, – горячо убеждал Тиграна Митридат, а затем попросил своего друга и союзника высказать своё мнение о римских полководцах, кого сенат назначит главнокомандующим римскими войсками на Востоке в случае войны.

– Я думаю кого-то из двух кандидатур – Гая Мария или Корнелия Суллу, – после небольшого раздумья ответил Тигран, а затем добавил: – Оба знаменитые полководцы, правда, Марий в годах и на двадцать лет старше Суллы. Ему сейчас семьдесят лет, но он по-прежнему бодр и энергичен. У него ещё большой опыт, прошёл все ступени воинских отличий: в 38 лет был трибуном, после удачной женитьбы с патрицианкой Юлией, тёткой Цезаря, в 42 года стал претором. Выдвинулся в Югортинской войне, одержав в ней победу в свои 48 лет. Благодаря поддержке плебея и всадников, в 50 лет был консулом. Когда над Римом нависла угроза со стороны кимвров и тевтонцев, сенат, нарушая законы, четыре года подряд избирал Мария консулом. Прославленный полководец разгромил кимвров и тевтонцев. Деятельность Мария способствовала профессионализму армии. В союзе с народным трибуном Аппулием Сатурнином добился наделения земель для своих ветеранов, но затем предал Сатурнина и как консул участвовал в подавлении его движения. Сейчас он участвует в подавлении восстания италиков, требующих признать их гражданами Римской республики. Так что, я думаю, у него шансов больше, чем у Суллы.

Внимательно выслушав полное досье на Гая Мария, Митридат не удержался от любопытства и прямо спросил Тиграна:

– Прости меня, государь, за любопытство, но откуда у тебя такие сведения о Марии?

– Готовясь к войне с потенциальными противниками, досконально надо знать всех их полководцев, – с улыбкой ответил Тигран и, чуть приоткрыв завесу искренности, добавил: – добывая важные сведения через все возможные каналы...

После недолгого молчания Митридат Евпатор произнёс:

– Мой дорогой друг и зять, в предстоящей войне мы будем иметь дело с Суллой, который тоже является выдающимся полководцем. Он родом из обедневшей патрицианской семьи. Сулла, как и Марий, выдвинулся в Югортинской войне и в борьбе с кимврами и тевтонцами. Он в свои 45 лет стал претором. В настоящее время является препретором Киликии и наместником

римской провинции Азия. И первыми, кто окажется на моём пути, будут легионы Корнелия Суллы...

Теперь настала очередь удивиться Тиграну по поводу данных на Суллу.

– Мой дорогой друг и тесть, а у тебя откуда такие сведения на Суллу?

На что, загадочно улыбаясь, Митридат ответил:

– Большой секрет, государь. Раз мы затронули биографии римских полководцев, то я сообщу тебе данные об устройстве римской армии. Армия у них наёмная, постоянно имеет под своими знаменами до семидесяти пяти легионов. В каждом легионе – до 4,5 тысячи человек. Главой легиона является трибун. В легион входят три тысячи человек тяжёлой пехоты: это гастаты, принципы и триарии. Триста человек конницы. Тысяча двести человек мягкой пехоты – это велиты. В свою очередь тяжёлая пехота делится на тридцать манипул. Каждая манипула состоит от 60 до 120 человек. Пятьдесят манипул – это центурия. Три манипулы – это когорта. В каждом легионе по десять когорт.

Выслушав Митридата, Тигран изрёк:

– Очень сложное устройство римской армии. Устройство наших армий намного проще и мобильнее римских...

Всю жизнь Митридат боялся быть отравленным от своих недругов и при встрече с Тиграном поделился своим методом лечения от противоядия, посоветовав тому свой рецепт. Из трав, растущих в Армении, знаменитый понтийский царь и полководец Митридат, слывший, по словам Плиния и многих греческих историков, одним из самых знаменитых врачей Востока, готовил средство против яда. Под ним подразумевается знаменитый териак, составленным этим выдающимся токсикологом, представляющий собой очень сложное противоядие против всех известных ядов. В своём составе териак имел до шестидесяти различных лекарственных веществ. Митридат систематически принимал этот териак, сделав свой организм невосприимчивым к ядам, что в последствии сыграло с ним злую шутку.

При расставании Митридат сказал:

– Мой дорогой друг и зять, спасибо за гостеприимство и со-

веты, но я всё же остаюсь при своём мнении и воспользуюсь благоприятным стечением обстоятельств, объявлю войну Риму. У великого Понта достаточно сил и средств для ведения широкомасштабной войны против Рима...

До недавнего времени римский сенат смотрел сквозь пальцы на завоевательную политику Понтийского царства против своих вассалов – Вифинии, Галатии и Каппадокии. Рим занял выжидательную политику в начальной стадии войны и на все мольбы своих обречённых союзников в оказании военной помощи отделывался отговорками в занятости внутри республики. Пока Рим выжидал, войска Великого Понта разгромили в течение короткого времени Вифинию, Галатию и Каппадокию и уже целую неделю победным маршем углубились в глубь римской территории – провинцию Азия. Вот только теперь, почувствовав реальную угрозу своим восточным границам, Рим забил тревогу. Срочно был созван сенат, на котором бывшие сторонники недавно убитого трибуна Друза, ратовавшего о даровании прав италикам, стали обвинять противников, проваливших законопроект, что привело к общеиталийскому восстанию против Рима. Большинство сенаторов стали обвинять Корнелию Суллу в бездействии, что, будучи препретором и наместником провинции Азия, не принял мер, чтобы отбросить войска Понта за пределы Римской республики.

– Уважаемые сенаторы! – начал с оправдания сорокадевятилетний, плотного телосложения, с проседью в висках и курчавой бородкой консул Сулла, ссылаясь на сложившуюся обстановку. – У меня в провинции всего лишь десять легионов, а у противника раз в десять больше.

– Когда такое было, чтобы Рим боялся каких-то азиатов? – парировал оправдания Суллы трибун Гай Марий, ревниво откосившийся к возросшей популярности Суллы в народе и армии, считая того патрицианской выскочкой. На заседание сената был приглашён популярный народный трибун Сульпиций Руф, пользующийся в сенате и народном собрании большим уважением и авторитетом за свой ум и деяния во славу Рима. Руф всегда поддерживал Гая Мария, ценя того за полководческий дар и откры-

тость души, а также за заботу о ветеранах армии. После долгих споров и дискуссий сенаторы пожелали услышать мнение самого Руфа по поводу вторжения войск Великого Понта в пределы Римской республики. Поблагодарив сенаторов за приглашение на заседание сената, Руф начал свою речь:

– Уважаемые сенаторы, над Великим Римом нависла большая угроза со стороны Великого Понта, которой не было со времён Ганнибала!

Сказав эти слова, трибун посмотрел на озабоченные лица сенаторов, сидевших полукругом в овальном зале на каменных лавках. По их лицам было видно, что они с нетерпением ждут совета от популярного оратора и народного трибуна, коим является Руф. Выждав небольшую паузу после произношения своих первых слов, Руф продолжил.

– А из-за чего всё это произошло? Всё началось из-за нашей беспечности и близорукости, а также недальновидной политики. Мы, римляне, на каждом шагу кричим, что мы самые умные, самые воинственные и считаем себя лучше всех народов мира! На весь мир горланим, что далеко на Восток отодвинем свои границы. Сколько раз предостерегали Суллу, чтобы он не обострял наши отношения с Великим Понтом, а он все наши советы пропустил мимо своих ушей...

Руф вновь, на некоторое время прервав свою речь, чтобы перевести дух и собраться с новыми мыслями и довести их до слушателей и одновременно прислушиваясь к реакции на свои слова сенаторов, которые молча в знак согласия кивали головами и друг другу, и оратору, соглашаясь с доводами народного трибуна. А тот тем временем продолжил свою речь:

– Из достоверных источников мне известно, что огромные полчища Митридата триумфальным маршем, фактически не встречая никакого сопротивления с нашей стороны, уже около полумесяца безнаказанно топчут землю Великого Рима, углубившись на большие расстояния. Если им не оказывать сопротивление, что по долгу службы должен был делать уважаемый Сулла, то через месяц войска Великого Понта окажутся под стенами Рима!

Как гром грянул средь ясного неба для сенаторов. Услышав такую мрачную информацию, они по команде вместе вскочили на ноги со своих насиженных мест и одновременно закричали нелестные слова в адрес Суллы:

– Сулла, ты трус!.. Ты не оправдал наше доверие...

Сулла с отрешённым видом сидел, глядя себе под ноги, обутые в лёгкие сандалии, не осмеливаясь поднять глаза на разгневанных сенаторов, которые наперебой продолжали осыпать его бранью. Руф выждал, пока сенаторы успокоились, а затем с пафосом продолжил:

– Уважаемые сенаторы, вы теперь видите, к чему привело ваше упрямство при назначении Суллы главнокомандующим римскими войсками на Востоке, проигнорировав выдвинутую народным собранием кандидатуру прославленного полководца Гая Мария, который не раз доказал это на полях сражений. Исходя из изложенного, я хочу вам, сенаторам, напомнить, что народное собрание настаивает Гая Мария назначить главнокомандующим римскими войсками на Востоке.

– Уважаемый народный трибун Сульпиций Руф! – начал с обращения к гостю глава сената Лукулл, окидывая взглядом поникшую фигуру Суллы, сжавшейся в комок под осуждающим взглядом Руфа и саркастической улыбкой Мария. – При выборе кандидатуры на ведение войны на Востоке сенат почти единогласно остановился на Сулле, исходя из его личных качеств. Он молод, полон сил и энергии и как полководец зарекомендовал себя во многих сражениях, а что касается Мария, то мы отклонили его кандидатуру лишь по причине возраста. Ведь нашему уважаемому полководцу уже семьдесят лет, и негоже нам посылать его в такую даль.

Лукулл замолчал, прохаживаясь по обширному залу сената. Сенаторы терпеливо провожали глазами молча ходившего главу сената, который как бы очнулся от летаргического сна, твёрдо произнёс:

– Сенат по-прежнему верит Сулле, что он выправит положение на Востоке и разгромит Митридата...

Успешно завершив гражданскую войну внутри страны, нако-

нец Рим развязал себе руки для ведения полномасштабной войны на Востоке. По настоянию сената, вопреки воле народного собрания, ведение войны против Понтийского царства был всё же утверждён Сулла. Борьба против его назначения сторонниками Мария привела к тому, что Сулла, готовивший к походу на Восток направил армию против самого Рима. Впервые в истории Рим был взят римскими войсками. Сулла жестоко расправился со своими недругами, памятуя о своём недавнем унижении в сенате во время разборки. Главный его враг – Марий сбежал в Африку. После наведения порядка в Риме Сулла отбыл с войсками в Грецию для освобождения римской провинции Ахойи от понтийских войск Митридата. Не успел Сулла покинуть Рим, как сторонники Мария вновь выступили против господства суллианцев в столице. Возглавил это движение друг и соратник Мария – Люций Цинна, но потерпел поражение и бежал в Компанию, где стояли римские гарнизоны. Он увеличил войска за счёт италиков, рабов и вместе с примкнувшим Марием осадил и взял Рим. Теперь власть перешла к сторонникам Мария, которые торжествовали и стали преследовать сторонников Суллы. Цинна стал консулом, а прославленный Марий полководцем стал в седьмой раз! Недолго наслаждался победой Марий, через несколько дней после захвата власти он умер...

Римские войска под командованием Суллы разгромили понтийские войска в Греции, а затем переправились в провинцию Азия...

Продолжение следует.

ТАТЕВИК АЗАРЯН

Татевик Карбисовна Азарян родилась в городе Душанбе в 1987 г.

В 1991 году в связи с военными событиями в Республике Таджикистан переехала с семьёй в Крым, в Симферополь.

В 2005 году окончила среднюю школу и была зачислена на Крымский факультет Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого. В 2009 году получила диплом об окончании высшего учебного заведения.

Замужем, воспитывает двух сыновей. Ведёт активную творческую, социально-общественную и благотворительную деятельность. Куратор творческого и образовательного направления в НКО «Добро Мира. Волонтеры Крыма», основатель Союза творческих армян Крыма «Цирани Кориз».

* * *

Я не вижу в тебе смысла прежнего –
Того полного, того необходимого,
Август подобрался опрометчивым
Осознанием, что кажется, остыло все.

Высушит остаток сока сладкого
На губах своим усталым солнцем.
Рано или поздно все, что загадали мы,
Все это до дна испить пришлось бы.

Море будет петь прибоем выжатым,
Скоро воды будут в нем холодные.
И прольётся ливнем над долинами
Наша некогда совместная история.

* * *

Крымский воздух пропитан тобой,
Море крепко тебя обняло.
Звук цикад унесешь за собой,
Своего тебе станет мало.

И вина на губах слаще нет,
Что рождают эти границы.
Скоро будет обратный билет,
От того теплой ночью не спится.

Скоро будет холод Невы,
Шум плацкартных в поезде полок,
Самолетов гул оглушит,
На рассвете вздымая в просторы.

Сколько будешь хранить в закромах
Дни и ночи знойной Тавриды?
Сколько б ты ни хранил,
Сама навсегда тебя сохранила.

* * *

Так смотреть можешь только ты,
Прямо в сердце, контрольным выстрелом.
Чтоб земля из-под ног в один миг,
Чтоб на грани реальность и вымысел.

* * *

Я вдыхаю мысли, как майские розы,
Источают они особенный аромат.
Он витает в пространстве
И делает день широким,
Как дыхание полной грудью,
Когда просто мелочи рад.
Воздух густо пропитан эфиром –
Маслянистым, струящимся, плотным,
Который потоком скользит
Вне пространства, вне времени,
Вне зоны доступа
Растворяется прямо в сердце,
С кровью течет по жилам.
И кажется, больше уже не болит.

* * *

Это были наши тени, это были не мы.
Дождь их смоет, заливисто трелями
Перебьют все слова соловьи.

Ветер выветрит сладкие запахи,
Солнце высушит сок на губах.
Так однажды крымскою сказкой
Оказалась быль не в стихах.

Это было затеряно в омуте
Карамельно-лучистых глаз,
И свидетели этой истории –
Страхи, что горели в кострах.

* * *

У войны нет ни пола, ни возраста и ни статуса,
Она ставит знак равенства и не щадит.
И горячую кровь проливает безжалостно,
Жесткий судьбам отводит лимит.
Сколько войн видел мир и все одинаково!
Сколько жизней за жизнь на полях полегло ,
Кто однажды столкнулся с ней, с кровожадною,
Точно знает, оно каково.

У войны есть седины и горький плачь матери,
Где бы та ни случилась война.
Есть желание до последнего биться с предателем,
Сколько сил бы она себе ни взяла,
У войны есть морщины и страх, что подобен животному,
Лицо смерти, с которым один на один.
Ну и самое главное –
Нет права не быть побежденною,
И советский солдат это точно навек уяснил.

* * *

Растопит тишину твой голос вдруг.
В нём теплота безбрежного родного моря,
И отголоски детства, что делили обе.
Я слушаю и жадно его пью.

И темнота не выдаёт тебя,
И расстояние не позволяет видеть,
Вот так сидеть и только слушать записи вк*
И километры страстно ненавидеть.

Твой голос ведает мне не слова,
Вещает смыслы, что всего дороже.
И эхом в комнате: «Сестра»,
Хотя родством по крови мы не схожи...

* ВКонтакте

* * *

На эту станцию не ходят поезда.
Она не видит расставаний и прощаний,
Ни встреч и ни объятий, ни признаний –
Здесь на перроне бродит тишина.

Вагоны все стоят в депо,
Как будто спят медведи по берлогам,
И не объявят, кому дальше в путь, дорогу.
Лишь электричек гул напомнит о былом.

И белокаменная башня там хранит
Секреты самых сокровенных обещаний,
Укажет точно время горожанам.
И подождет, когда все снова закипит,
И переполнен будет зал для ожиданий.

* * *

То лето было, как нектар,
Его пила глотками, радостно смакуя.
Твои все отложила поцелуи
В запасы памятных и важных дат.
Листы календаря потом переберу несмело,
И в каждый день, в котором есть отметка, загляну.
Как отголосок зноя, что прошёл тогда по телу,
Твой карамельный смех мне будет словно наяву.

* * *

Якоря обо мне везде.
Я закинул их в тихую гавань, чтобы было надёжней,
Чтобы мысли ярче горели клеймом в голове,
Чтобы помнила,
Чтобы сердце стучало как можно чётче,
Абсолютным присутствием всколыхнул, что было на дне.

Я закинул их в тихую гавань – так нарушают молчание,
Вспоминая каждое слово,
которое дрожью по телу будет бежать.
Так однажды наткнулся мой странствующий корабль
На просторы тобой обозначенных карт.

* * *

Вот мы и сорвались в пропасть оба.
Ты меня не удержал и не пытался.
Я не захотела лишней подстраховки,
Я дала двоим в неё сорваться.

На краю обрыва мы стояли шатко,
Крепко сцеплены руками, как канатами,
Только пропасть – вовсе и не пропасть,
А просторы неба необъятного.

* * *

Отвори замок, не запрашивая пароля,
Так, чтоб знать, что дверь открывают свои.
Не смотри на коды, условия, договоры,
Только так я пойму, что это действительно ты.

По шагам, по молчанию, по вздоху в прихожей.
Концентрирован воздух приходом твоим.
Ты вошёл без ключей так просто, легко и спокойно
И остался надолго, взяв запасные мои.

* * *

И когда-нибудь мы перестанем скучать.
Иногда мне кажется: поскорей бы уже,
Поскорей.
Не писать, не сниться, не отвечать,
Только глухо закрытая в память дверь.

И когда-нибудь мы перестанем ловить волну,
Ту, что жжет, ту, что мощная и застилает глаза,
И когда-нибудь образ твой канет во тьму,
Там ни музыки нет, ни рифмы, ни ритма.
Там тишина.

И когда-нибудь стоя на мостовой
И смотря в синеву воды, что глотает туман,
Ты задумчиво бросишь камень в просторы реки.
Я у моря стоя, увижу круги, что пойдут к берегам.

И тогда, может быть, слегка приоткроется дверь.
На секунду. Но нет. Это просто мираж.
Просто мы перестанем скучать,
А сердце вторит: «Не верю».
И тогда. Вот тогда
Нас поделит весь мир пополам.

ТИМУР ЯН

Тимур Станиславович Ян родился в 1979 году в Симферополе. В 2002 году окончил Национальную юридическую академию Украины им. Ярослава Мудрого. Занимается предпринимательской деятельностью.

Стихи пишет о том, во что верит. Большую часть времени проживает в Крыму, зимой переезжает в Индию. Не любит зиму, холод и равнодушие. Считает, что жизнь человека без чувств подобна еде без вкуса. Верит в карму и считает себя гражданином планеты Земля. Уверен, что в конце всё обязательно будет хорошо, а если нет, то это не конец.

* * *

Сильные не вопят,
А если кричат, то от слабости.
Честные не юлят,
А если и врут, то из жалости.
Смелость – далеко не мужество,
Храбрость – ещё не победа,
Не все те друзья, кто в содружестве.
Тьма измеряется светом,
Бедная пища питательней.
Деньги – ещё не бессмертие,
Программа – обман избирателей.
А баран не мечтал о вертеле.
Камень уже не ракушка,
Перья – ещё не подушка,
А доброта не считается,
Если добряк ей бохвалится.
Гордость – сестра одиночества,
Не все, что тупик – то конец.
Имя отца станет отчеством,
Матери же – рубец.
Слухи – враги реальности,
Утро рождается с мыслями.
Лень – первый шаг к гениальности,
Правда – ещё не истина.

* * *

Борода моя – символ смирения,
Провоцируя непонимание
И бестактное удивление,
Заостривших на ней внимание.
Борода – это лакмус невежества,
Индикатор суждения по внешности,
Возбудитель животного ханжества,
Изреченного по небрежности.
Я простил уже всех заранее

В вольнословии и легкомыслии,
Это часть моего старания –
Суетливую жизнь осмыслить,
Это капля душевного таинства –
Сокрушить беспокойство с смятением.
Примирив мир с душой знаком равенства
С каждым новым стихотворением,
Можно выбрить себя до синего,
Надушиться маслами пахучими.
И смотреть на себя красивого,
Срезав кудри седые, могучие.
Я не против мирских красот
И любуюсь ими охотно,
Но, бывает, изящный плод
Вызывает с укусом рвоту.
А невзрачный на вид тот же плод
Награждает феерией красок,
Вкусом нежным лелея живот,
Как бы ни был на вид он опасен.
Поднимитесь со мной на гору,
Ощутите дыхание снежное,
Ощущение сразу не в пору,
Ваше грубое сходит на нежное.
Опустите со мной ноги в реку,
Холод шоком и камни под стопами,
А чуть позже мы, словно по свету,
Побредем по воде её тропами.
Босиком пробежимся по радуге,
За спиной взвеяв звёздную пыль,
Насыщая мир сладостной патокой,
Что под небом он бережно свил.
А потом мы по радуге скатимся,
Источая лучистый смех,
И пейзажам чудесным возрадуемся,
Приближаясь к земле без помех.
Ароматом душистых трав.

Встречным ветром наполним грудь,
Превращая в трепет свой нрав,
Наставляя его на путь.
Непривычное стало лелеющим
По началу с трудом восприимчивым,
Окружил мир теплом всеобъемлющим,
Растворяя характер придирчивый.
Я люблю тебя, мир, как и ты меня,
Научи жить с тобой в гармонии,
Инструментом пусть даже без имени
В твоей сказочной филармонии.
Кто-то помнит ещё про бороду?
Или вовсе не вспомнил лица,
С кем морозным дышали воздухом
В стихотворных причудах чтеца...

Письмо другу

Мой добрый друг, не в разных мы реалиях живем,
Реальность есть для всех одна и неделима,
Другое дело, как её мы познаём
И в ракурсе каком находимся по отношению к миру.
Реальность – суть, что не подвластна, часто понимаю,
Порой невыгодна и неугодна – это да.
Стоит корабль наш на якоре сознания,
Родные защищая берега.
На то мы разные, чтоб познавать сей мир
В его разнообразии сюжетов.
О том исписано до дыр,
Сравнимо с красками от тьмы до ослепительного света,
История, как люди, тоже разная,
Как говорят: кому война, кому родная мать.
Мы можем говорить о ней заученными фразами
И свято их за правду принимать,
Но в том и дело, то, что правда, не всегда реальность,
А только плод фантазии людей.

В ней наша сила, но и также слабость,
Одни кричат, другие мудро проживают с ней,
Кого казнить из виноватых в прошлом?
И были ль невиновны жертвы их?
Мы обязательно когда-то спросим,
Когда уйдем в иной мир из живых,
Но там, как раз таки давно живут все в мире,
Забыв все расприи, покаявшись в грехах.
Печалясь, как вражду мы сеем ныне,
Засевшую ещё в былых веках,
Печально, друг, и мне в эпоху жить раздора,
Когда так рьяно тянут одеяло на себя.
Слюной захлёбываясь в спорах,
Бья в грудь сердечную себя,
Историю насилуют, мой друг, в ужасных формах,
Она грязнее шлюхи с пьяного двора.
Но жертва не она, а те, кому насилие уже предстало нормой,
И то, что выгодно за истину приняв,
Ты говоришь, живем в реалиях мы разных,
И от того страшней по мне становится она.
Делясь на секты несогласных и согласных,
Дробясь на тысячи осколков прежде цельного стекла,
Весьма обидные ты излагаешь мысли,
Порой мне хочется преподнести тебе урок.
Но понимаю, когда сердцу от обиды ненавистно,
Его очистить может только Бог,
А я лишь спровоцирую на очередную желчь,
И мне же отмываться после от нее.
Пока та желчь под сердце мне не въелась
И не заполнила сознание до краёв,
Разбить, обидеть, очернить,
Возненавидеть ненавистью лютой
Гораздо проще, друг мой, чем любить,
Ещё с рождения заражаясь смутой.
Но есть и те, кто бережно идет дорогой верной,
Израненный страданием других,

По мне без разницы с христианской
или мусульманской верой,
Иудаизм он исповедует, буддизм...
Любовь – вот истинная сила мироздания,
Умение прощать и не судить,
Реальности основа процветания,
Вдыхающая в будущее жизнь.
Хвала и слава тем, кто созидает
И свет несет в молчании своем,
Кто скорбно истинную реальность принимает
И красоту её приумножает.
Меж ятаганом, булавою и мечом
Хвала тому, кто искренне прощает,
Пред ними на коленях я стою.
Жалея тех, кто сердце надрывает
За мнимую реальность за свою.

* * *

Не ищи для счастья путь,
Хочешь быть счастливым – будь,
Не ищи в беде причину,
Если ты рожден мужчиной.
И не сетуй на судьбу,
Мол, желал совсем не ту,
Каждый платит по счетам:
Кто-то – здесь, а кто-то – там.
Не завидуй и не лги,
Потому как это – мрак
Там, где желчь течет в крови,
Все – не то и все – не так.
Утром ранним на рассвете,
Созерцая потолок,
Помни: счастье даже в этом,
Что опять пропал носок.
Верь, надейся и люби
Не за что-то – от души,

Праздных слов не говори,
Лишних писем не пиши.
Не словами строят дом,
Не мечтами, не стихами,
Сочетай свой труд с умом,
С волей закаленной стали.
Верь в себя, люби других
И найди свою дорогу,
И за каждый жизни миг
Благодарен будь пред Богом.

* * *

Мне кажется,
Что где-то есть ещё реальность:
Там тоже мы и постоянно вместе,
И много маленьких детей, рожденных в радость...
И белая фата прекрасна на невесте,
Родители – счастливые, в игривом настроении...
Там нет дурных забот и страха за здоровье.
И только доброе душевное волнение
Переполняет их, овеянных любовью...
Мы летом уезжаем все на море
И каждый вечер провожаем вместе солнце...
Там все дружны и только дети в шутку спорят:
Кому всех раньше свет зайдет в оконце.
Там нет предательства и пагубных пороков.
Веселый смех – чистейший, от души.
Там нас всегда неизмеримо много!
И по песку несутся малыши...
Там головы свободны от политики.
Там нет реформ, они там не нужны!
Там лишь в искусстве – поле боя критиков.
Вне поля критики – как котики, нежны...
Там «Скорую» не нужно ждать часами.
Врачи – от Бога, и других врачей там нет.
Там нет религий сотен с чудесами...

В любовь там верят все, любовь – всему ответ...
Я сердцем чувствую, как счастливы там люди.
Они умеют жить, не создавая сами бед...
И в тоже время вижу, как же мир наш скуден
На добрые дела и сердца нежный свет.
Я мира часть того из сердца вынимаю
И щедро им делюсь, насмешек не боясь.
И с каждым Божим днем я по частям взлетаю
В тот самый мир, где не был отродясь.

* * *

Две минуты на молитву
Мне за сутки не найти,
Пока дверь ещё открыта,
Не спешу в нее войти.
Мимо ликов пробегаю,
Говоря себе: Сейчас...
Вот и Бог, возможно, в спешке
Так же думает о нас...

* * *

За окном все замело...
Снег на крыше,
Дым с трубы...
И кроватки перед сном
Сказок магии полны...
Принцы, Золушки, Кащеи...
Алладины лампы трут...
Стихли за окном метели –
Продолженья сказок ждут...
И снежинки, будто звезды,
Дом уносят в дивный сон
В край, где для детей и взрослых
В равных долях нежен он...
Засыпают лунной ночью
Сладко доченьки, сыночки,

Спите, щечки, спите, глазки,
В добрый путь, навстречу сказке...
Гаснет желтый свет в окошках,
Дом укутан синевой,
В сказку знает он дорожку,
Засыпая под Луной...
Провалился город в сон,
В мир чудесных сновидений,
Трубы дымом в унисон
В небе звездном засопели...
И собак протяжный вой
Их ночной хранит покой...

Монолог с зеркалом

Кто ты, тень моя, что в зеркале безмолвно предстаёт?
Менялось с детства ты со мной за годом год...
С опухшими глазами по утрам
И с сонными бессонными ночами.
Моих глубоких тайн всевидящий экран.
Свидетель радости и горестной печали

* * *

Как ни взгляну – ты смотришь мне в глаза,
Приближусь – страх тревожит в глубине сознание,
Ты был когда-то юн, и вот уж замелькала седина –
Предвестница начала увядания...
Мы много времени с тобою провели,
Но ты за столько лет не проронил ни слова.
Со мною в разных уголках земли
Был рядом в здравии и не бросал больного.
Так кто ты – верный спутник лет моих?
Как долго наша дружба будет длиться?
Наступит день, когда последний выйдет стих,
И свидеться нам больше не случится...
Тебя накроют тканью, что найдется,

Меня ж свезут на новый адресат.
Под дождь из слез там новый путь начнется...
Ах, если б этот адресат был райский сад...
А так – беда...
Никто не знает, что там впереди.
Учений много – мало доказательств.
Ведь если да – живи не навреди.
А если нет – кути без обязательств.

* * *

– Привет!
– Привет!
Ты снова без зонта?
– Зачем мне зонт?
Мне он не нужен.
Смотри, вокруг какая красота!
– Ну да, особенно красивая та лужа...
– Не лужа это вовсе – капель море!
Они упали вон с той серой тучи,
Немного полежат здесь по небесной воле,
А завтра снова их на небо улетучит.
– Не знаю, лучше бы их не было совсем,
Мне больше по душе, когда день солнечный и ясный...
– И долго б ты смогла так жить без перемен?
– А в чем, скажи мне, красота ненастья?
– А если я скажу, что красота её в тебе таится...
Ведь даже если сон дождливый мне приснится,
Но в нем чудесным образом предстанешь предо мной –
Возрадуюсь дождю над головой!
– Романтик бедный ты!
– Ну, почему же?
По-своему я сказочно богат...
– Ну да, ведь миллион твой – вон в той луже
Из капель, что на небо вновь хотят.
– Как ни шути, но ты действительно права:
Мое богатство в восприятии мира...
Как ни уютна бы была моя квартира,
Она – всего убежище для сна...

Сказ о царе Трдате
и сыне Анака – Григории

252-й год
Армянский царь, Хосров второй
По приказанию персидского царя Шапура
Убит со всей монаршей Аршакидскою семьей,
Покрыв престол обильной кровью бурой...

Наследник чудом выжил, лишь один
Трдат, младенец царской крови,
Был тайно вывезен в имперский Рим,
Чтоб избежать отцовской злополучной доли.

Анак, агент персидского царя,
Что сотворил безжалостное злодеяние,
Был схвачен и казнён, его семья
Была убита в муках и страданиях.

Осталось у Анака двое сыновей,
Смогли укрыть в Кесарии детей от наказания,
Росли они, как и Трдат, вдали от родины своей
И получали на чужбине воспитание.

Григорий, сын Анака, знал, что отче совершил,
И, дабы искупить его вину,
Став юношей, отправился в Великий Рим
Служить спасенному армянскому царю.

Трдат успешно поддавался языкам,
И был не раз отмечен доблестью в военном деле,
Григория на службу он принял,
Не зная, кто пред ним на самом деле.
Григорий преданно служил царю

И помогал усердно трон вернуть наследный,
И если надо – положил бы голову свою
За господина, что бы искупить отца поступок скверный.

Разнились принц наследный и его сподвижник
В религии...
Язычник был Трдат,
Считал христианство он движением вредным,
А по натуре был сотрап.

Григорий же спасён семьёй христианской
И вере этой посвятил судьбу,
И только Богу был он истинно подвластный,
Молясь в тиши владыке своему.

287-й год
Летели дни, года свистели в спину,
Герои превратились в доблестных мужей,
С могучим войском царь Трдат из Рима
Пошел походом за освобождением родины своей.
Великий император Диаклетиан
Признал царем Армении Трдата
И войско римское ему в подспорье дал,
Чтоб трон вернуть под небом Арташата...

Армянская столица Арташат
Томилась под правлением чуждых персов,
И люди, помня подлый тот захват,
Копили силы в ожидании кровной мести.

И вот свершилось: огненное войско
Оковы тяжкие персидские разбило,
За родину сражались воины достойно,
Пора Трдата править наступила.

Чтобы воссесть на трон, необходимо было совершить обряд,
Воздать покорно почести языческой богине Анаит,
Тогда узнал армянский царь Трдат,
Какую тайну преданный слуга его хранит.
Среди сподвижников Григорий отказался проходить обряд,

Не посрамив во имя даже государя истинную веру,
За то посажен был в темницу Хор Вирап.
Чтоб послужить всем иноверцам подобающим примером,
Признал Григорий также, что он – сын Анака.
Трдат был в ярости: все это время сын убийцы был под боком,
Гнить заживо в темнице Хор вирапа
Григорию за веру стало роком.

Царь правящий открыл охоту на христиан,
Пошли аресты, казни, конфискации,
И также казни предавал он тех армян,
Кто укрывал несчастных иноверцев нации.

Шли годы...
Война с персидским царством продолжалась,
Рим всячески оказывал весомую поддержку,
И войско римское с армянским бок о бок сражалось,
Но враг никак не собирался быть повержен.

298-й год
В итоге войн тяжёлых подписали мирный договор,
Где Рим и Персия суверенитет Армении признали,
Вздохнул великий воин, царь армянских гор,
Запрятав в ножны меч из закалённой стали.
Еще не мало предстояло испытаний
великому царю и полководцу,
И через них принес он множество страданий,
Так не любимому христианскому народу.

Легенда древняя гласит о страшном злодеянии,
Что совершил языческий монарх.
Подверг Трдат немыслимым страданиям
Христианских девушек в давильнях и тисках.
То были тридцать три христианские девицы,
Бежавшие из Рима во главе с Репсиме прекрасной,
Понравилась царю, решил Трдат на ней жениться,
Но вот желал её армянский царь напрасно.

Рапсиме была христианской веры,
И брак с язычником был невозможен для нее.
Трдат в ответ не получив своей химеры,
Казнил Репсиме и всех подруг её...
Гласит легенда об ужасных зверствах.

И то, что после помутился царь армянский головой,
Желавший раньше только крови персов,
Стал кровожадным и безумным наш герой,
Недуг его прозвали доктора свиной болезнью.
Телесно был здоров, но разумом больной,
Сошел с ума Трдат, казнив желанную невесту,
Изображался после на картинах со свиною головой.
Лечили доктора Трдата тщетно,
Съезжались лекари со всех концов,
Но как лечить царя не ведали ответа,
Над коим множество ломало голову умов.

301-й год
Хосровадухт, сестра Трдата,
Увидела во сне, что лишь Григорий вылечит его.
«А он не умер разве в стенах Хор вирапа?
Не упокоило его тюремной ямы дно?»
Проверили – живой сын беспощадного убийцы,
Прожил Григорий в яме той тринадцать лет,
Все эти годы он молился,
Храня под сердцем Божий белый свет.

Проверили – живой Григорий,
Но царь добра на вызволение не дал,
Пока сестра его не рассказала ещё несколько историй
О том, как христианин язычника во сне спасал.
«Поднять Григория», – отдал приказ Трдат, –
Пускай попробует, коль добрая сестра так просит,
А не получится – обратно в Хор Вирап
Цареубийцы сына снова в яму сбросить...»
Подняли бедного Григория наружу,
Свет обжигал глаза, мешая в кучу радость с болью,
Сводили в баню, накормили теплым ужином,
Старалась угодить Хосровадухт с любовью...

На утро привели к царю...
Прошло тринадцать лет со дня последней встречи,
Их провели герои наши с смертью на краю,
Один – в боях, другой – по воле первого в тюрьме,
И вот теперь один другого лечит.

Один в шелках ходил, другой носил отребье,
Один вкушал изысканные блюда лучших поваров,
Другой был рад лепешке хлеба
И воссылал дающему любовь.

Виновен в том, чего не совершал,
Он должен был обозлиться на Трдата,
На все есть Божья воля,
Так судьбу Григорий понимал.
И не винил царя за долю в стенах Хор Вирапа,
То было время праведных молитв
В глубокой яме с гадами у ног
За родину в канун смертельных битв,
Чтоб защитил армян всемилосердный Бог.

С насмешкой в отношении доводов сестры,
С презрением к Григорию как сыну палача отца,
Коль не болезнь свиная головы,
Минуты б не терпел Григория лица.

Григорий стал молиться Богу своему,
Усердно, искренне желая излечить царя больного,
Он не боялся вновь попасть в тюрьму,
И в мыслях не было такого.
Молился праведно, колени преклонив,
Простить царя Григорий умолял небесного владыку,
Помиловать и наказание отменить
За всю ту кровь, что им была пролита,
За надругательство над верою христиан,
За бедных девушек, в страданиях умервщленных,
Просил Григорий Бога за армян,
Трдатом доблестно от персов защищенных.

Как именно в мольбах своих Григорий
Владыку умолял простить царя,
Неведомо, но царь из хворого, как ране, стал здоровый,
Григория в сердцах благодаря.

Тогда сказал ему великий лекарь:
«Здоровым будешь, если будешь
по законам Божьим жить,
А подлость совершишь – тогда из человека
Свиньей тебе в мучениях до смерти быть».

Трдат Григория услышал просветленным сердцем,
Слова духовника никак не нанесли ему обид,
К тому, кого он презирал, считая злостным иноверцем,
Доверием и уважением проник.
И вместе с этим чудом новая эпоха
наступила для христиан,
Христианство стало верой всех армян.
Построили великий Эчмидзин
И много еще храмов вместе с ним.
Не на тюрьму теперь взирает снежный Арарат,
А на кресты священной церкви Хор Вирап.

Католикосом Первым всех армян
Провозглашен царя спаситель,
Великий мученик за веру и христиан
Равноапостольный Григорий Просветитель...

ՆՈՐ ՁԱՅՆԵՐ
НОВЫЕ ГОЛОСА

АЙКАЗ ХАЧАТУРЯН

Айказ Маврикович Хачатурян родился в 1979 году в городе Кобулети Республики Грузия. Там же окончил школу в 1996 году. В 2005 году окончил филологический факультет Батумского государственного университета по специальности «учитель русского языка и литературы». В 2000 году с семьёй переехал на постоянное место жительства в город Эчмиадзин Республики Армения. С 2008 года живёт в Кашатахском (Лачинском) районе НКР, где в школе преподаёт русский язык и шахматы.

Очень любит детей и работу с ними. Один из самых важных приоритетов в жизни педагога, родителя и, пожалуй, любого человека считает заботу о детях и новом поколении и соответствующий вклад в это нужное и благородное дело.

С лета 2018 года общается с представителями армянской общины в Республике Крым и поддерживает тёплые и уважительные отношения. По его мнению, каждый человек за пределами Армении (а творческая личность тем более) – это лицо армянской нации.

* * *

Что на свете всех крепче, сильней.
Всех выносливей, всех мудрее,
Всех болезненней, хрупче, нежней,
Всех чувствительней, всех слабее?

Что имеет огромную власть
Над душами целого света?
Что вселяет в сердца наши страсть?
Люди, это сердце поэта.

Это сердце умеет болеть
За каждую больную душу.
Это сердце умеет терпеть,
Умеет терпеливо слушать,

Слышать стоны людские и боль,
Крики души онемевшие,
Слышать ненависть, слышать любовь,
Счастье, разбиться успевшее.

Что бывает всего горячей,
Когда гнев в груди закипает?
Что сильнее ста тысяч мечей,
Когда в силу слово вступает?

Это эхо народной тоски.
Это зеркало тьмы и света.
Это исписанные листки.
Люди, это сердце поэта.

* * *

Пой, земляк, про землю предков нашу,
Землю древнюю с великою судьбой,
Сердцем пой, а я в словах украшу
Всё, что недосказано тобой.

Пой, народ мой, песню - воспеванье
Наших братьев и сынов, что держат строй.
Не нужны нам жалость, состраданье,
Мой народ, ты и про это спой.

Нужно нам всего лишь уваженье.
Ведь борьба наша действительно свята.
Пой героев новых поколенье,
Чтоб услышали: МЫ – СИЛА ЕЩЁ ТА!

Армянин, ты где бы сейчас ни был,
Помолись за тех, кто на посту,
И за тех, чьи души взмыли к небу.
Ну, а ты, Господь, прими молитву ту.

Наша родина для нас – святых святая!
Пой же, армянин, о нас на бис.
Лишь на Бога и сынов ты уповая,
Перед Богом за сынов всех помолись.

* * *

Когда мы вдалеке от своего родного дома,
Когда нам чуждо всё или едва знакомо,
Мы образ ласковый и нежный вспоминаем,
Его мы никогда не забываем –
Образ матери.

Когда средь хмурых туч увидеть жаждем лучик света,
Когда средь моря лжи ждём доброго совета,
То самому родному голосу доверься,
Он в нас живёт, он в разуме, он в сердце –
Голос матери.

Когда нам холодно от слов холодных или взглядов,
Когда нам никого и ничего не надо.
Прозябшим душам, словно не во что одеться,
Мы к самому родному льнём согреться –
К сердцу матери.

Да будет никогда не забываем
Образ матери!
Да будет всюду, всюду рядом с нами
Голос матери!
Да будет вечно молодым и бодрым сердце матери!

* * *

Ты гонишься за мимолётным чувством,
А, может быть, и за минутной страстью...
Но миг пройдёт и снова станет пусто.
Зачем тебе отравленное счастье?

Вот ты создание увидел неземное.
Но покорить его, увы, не в твоей власти.
Оставь затею, не шути с судьбою.
Зачем тебе придуманное счастье?

Увидевши порыв объятий смелый,
Влюблённых вид в тебе рождает зависть?
Но ты не смей, недоброе не делай!
Зачем тебе украденное счастье?

Ты знай, что жизнь – не бесконечный поиск.
Иди сквозь жизнь, сквозь все её ненастья.
Судьба однажды улыбнувшись спросит:
«Не ты ли ждал заслуженного счастья?»

* * *

Я часто мысленно веду
С самим собой беседы.
Чего ищу? Куда иду?
На всё ищу ответы.

Куда по жизни путь держу?..
Шлифуя мысли снова,
Себе и ближнему скажу
Своё простое слово:

Будь убеждён, твоя судьба –
Не на кофейной гуще.
Ты жизнь и мир вокруг себя
Делами сделай лучше.

Пусть ты не маг, не чародей,
Но знай, не будет лишним...
Ты души и сердца людей
Стихами сделай чище.

И если спросят: «Кто ты есть?
За право жить что отдал?»
Я – моя совесть, моя честь,
Которую не продал.

Я есть идеи и мечты,
А не «зелёных» пачка.
Я есть души моей листы,
Которых не запачкал.

* * *

В чём истинная мудрость, польза в чём:
В служенье Богу или человеку?
Ну, как не ставить тут вопрос ребром
И не искать в вопросе подоплеку?

Ведь если человек живёт добром,
А доброе, оно всегда от Бога,
То он нашёл ответ в себе самом.
Хотя вариантов было очень много.

Жаль жить добром, порою не к добру.
Нас часто окружают злые люди.
Пишу об этом с горечью, не вру.
Я зла вдохнул сполна и полной грудью.

И потому я думами томим,
Как зла не сотворить во имя блага?
Я компромисс ищу с собой самим.
Мне в помощь мысли, ручка и бумага.

И пусть не скоро мне найти ответ,
Что действенней: наказывать, прощать ли?
Я, как умею, так иду на свет.
И что имею в жизни, тем и счастлив.

Пусть истину познать мне не дано.
Я многое постигну понемногу.
Но уже точно знаю я одно:
Кто служит благу, значит служит Богу!

* * *

А дни бегут, и жить не успеваешь.
И в беге том цена мгновенью – грош.
И где споткнёшься – не предугадаешь,
И кто «воткнёт под сердце финский нож*».

Да, дни бегут, минуты ускользают.
И эту карусель не удержать.
Проснись! Бесценные мгновенья тают.
Неужто трудно голову поднять?..

И посмотреть вокруг, всмотреться и увидеть:
Не так ужасен жизни домострой.
И дней галоп не надо ненавидеть.
Пусть дни бегут. Да только ты не стой.

Пусть дни бегут, да, пусть мгновенья тают!
Согласен, пусть несётся карусель!
Ведь дни бегут, они ж не убегают.
И лучше им бежать, чем сесть на мель.

* Цитата из «Письма матери» С. Есенина.

ГЕВОРГ БАБАЯН

Геворг Бабаян родился 3 мая 2001 года в городе Североморске Мурманской области в семье военнослужащих. С ранних лет родители прививали любовь к искусству, истории и культуре России и Армении. Из-за службы родителей часто переезжал и жил в разных уголках России, начиная от холодного Заполярья и заканчивая тёплыми лазурными берегами Крыма. И в каждом регионе знакомился с разными народами, изучал их культуру. Живёт в городе Севастополе.

Занимается музыкой, играет на дудуке и гитаре, рисует, пишет стихи, активный участник Союза творческих армян Крыма «Цирани кориз».

* * *

Небо плачет по героям,
Кровь смывается дождем,
Слезы льются из-за горя,
Слезы вызваны войной.
Капли падают красиво
И о смерти не поют,
На земле уже все мирно,
Но душе ужасно тут:
Над могилой люди плачут,
Ждут все Божий гневный суд...
Знают, люди не забудут:
Воины в памяти живут.
А пришла война внезапно,
Молния она средь дня,
Господь Бог увидел это
И послал он воинов нам.
Все исчезло и иссякло,
В родниках всех нет воды,
И в эфирах смертью пахло –
Все узрели лик войны.
Как ужасный грохот грома,
Вся прошлась она по нам
И не знала о пощаде –
Мы ходили по костям...
Кость ребенка Бог увидел,
Из неё он флейту взвёл,
И солдат её услышав
На врага с мечом пошёл.
Он отрезал врагу уши,
Чтоб не слышал флейты звук,
Чтоб исчезли врагов души,
Чтобы умер враг от мук.
Нет врага и нет войны,
Все ушли в свой жуткий ад,
Родники полны воды,

И ребенок жизни рад,
Кровь врага сошла с меча
И на землю она пала,
И теперь она – вода,
Кормит зернышко граната...
А сейчас растет тут древо,
Нет здесь трупов на земле,
Лишь один тут крови цвета –
Сок в гранатовом зерне.

* * *

Где же вы были,
Когда кто-то вас звал,
Когда помощь просил,
К небесам он взывал.
О скалы он бился,
И руки в крови.
Он Богу молился,
Кричал: «Помоги!»
Внизу было море,
А сверху – луна,
Не представить той боли
Нам никогда.
Орлы искусали
Его ноги и плоть,
Лицо заклевали,
Но Бог смог помочь:
Ему крылья послал,
И кровь он всю смыл,
И бедняк залетал,
И в небо уплыл.

Лезгинка

Сквозь высокие горы послышалось мне,
Будто грохот копыт от стада коней,

Бьет в барабан молодой доулист
Ритм кавказской лезгинки искрист!

Бархатным звуком ритм этот смягчил
В музыканта руках зелёный фандыр.

И как гордый орёл над высокой горой
Горец танцует на кинжалах босой!

Над Эльбрусом послышался струн перебор.
Это пондар поёт о величии гор.

И сквозь горское трио запел соловей,
Заиграла прекрасная флейта-свирель.

И пошёл наконец интересный рассказ
Про гордый, великий и древний Кавказ...

Пламя свечи

Я зажгу свечу в уголке,
Не могу разобраться в себе
И в ужасной во тьме ночной
Я восстану, как свечки огонь.
А огонь все хочет гореть,
Не желает он так умереть,
Ведь он воин и мечтатель,
Он тепла и уюта создатель...
Сколько свечек сгорело уже,
А у каждой есть что-то в душе:
Одна свечка-пожар в лесу,
А другую я в сердце зажгу...
Я горю, как пламя свечи,
Попрошу я людей не тушить
Мое пламя любви и добра
Ветром зависти, смеха и зла...

Элегия в восточном стиле

Солнечный луч спускается с небес
И моё сердце теплотой ласкает,
Как нежится тигрёнок в утренней росе,
Рыча мурлычет и в траве играет,
Твой лёд растаял вмиг на той реке,
Где проплыла моя любовь на лодке.
Теперь преград ей больше в мире нет,
Ведь нет уж льда сомнений и тревоги.
Пусть вырастут у лодки паруса,
Пусть ветер запоёт мне свою песню,
Пусть полетят цветочки миндаля:
Они напомнят мне твою улыбку...
Аман! Томлюсь, сижу я у окна:
Вдали закат надежд моих краснеет...
Ты – мой пленитель! Мой султан!
Прикажешь ты – вода окаменеет...

Соловей

Душа моя пуста,
Пуст источник для питья.
И поёт мне соловей:
«Ты, как воду, слёзы пей».
Я пришёл в наш летний сад
Рассмотреть твой нежный взгляд,
И поёт мне соловей:
«Ты любовь свою убей».
И зацвёл уже гранат,
Я весне уж очень рад.
И поёт мне соловей:
«Ты цветению не верь».
И тотчас завял гранат,
А за ним исчез наш сад.
И поёт мне соловей:
«Ты птиц пению поверь».
Плачет саз, журчит ручей,
Я всё думаю о ней,
Но пропел мне соловей:
«Не любим ты ей теперь».

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ

НАШИ ГОСТИ

СТЕПАН БАГДАСАРЯН

Степан Багдасарян родился 15 декабря 1953 года в городе Ереване, в армянской семье.

Отец – инженер-технолог, мать – врач-хирург. Оба были участниками Великой Отечественной войны. Ушли на фронт добровольцами. Мать встретила Победу в Берлине в звании старшего лейтенанта, отец демобилизовался чуть раньше, в звании капитана.

В 1970 году окончил среднюю школу им. А. Пушкина, а в 1975-ом – физический факультет Ереванского государственного университета.

С 1974 года начал работать в области электроники и вычислительной техники в научно-производственном объединении «Позистор». За двадцать лет работы прошёл все ступени от техника до начальника научно-производственного комплекса.

Имеет правительственную награду – премию ленинского комсомола в области науки и техники.

С 1996 года живёт в США. Женат, имеет двоих взрослых сыновей и две внучки.

Случайно начал писать рассказы...

У Степана есть хобби – делать витражи...

Любимый писатель – Сергей Довлатов, певец – Френк Синатра. Любимые актрисы – Евгения Симонова, Марина Неёлова и Наталия Гундарева, а актёры – Олег Янковский, Евгений Евстигнеев.

Любимый композитор, поэт и певец – Шарль Азнавур, любимые барды – Владимир Высоцкий, Олег Митяев, Тимур Шаов.

Но больше всего на свете любит своих чудных внучек!

НЕМНОГО О ФИЗИКАХ...

То ли это легенда, то ли было так на самом деле, но, говорят, однажды, в начале 60-х годов, знаменитый физик Лев Ландау, лауреат Нобелевской премии, просматривая обычный отрывной календарь, заметил, что в нём есть праздники абсолютно всех профессий, включая работников торговли, сельского хозяйства и даже мелиоратора, но вот Дня физика нет!

И предложил студентам физфака МГУ учредить День физика.

С того времени этот день начали праздновать, но поскольку физики разных городов слишком долго решали, какую именно дату назначить, то в конце концов каждый университет стал отмечать этот день в удобное для себя время.

Мы тогда учились на втором курсе, и однажды к нам на факультет пришло письмо из Тбилисского университета с приглашением отметить День Архимеда.

Письмо, естественно, пришло в комитет комсомола, и нам стало известно о нём слишком поздно. Секретарем комитета комсомола был человек, фамилию которого я не помню и, признаться, не слишком мучаюсь по этому поводу. Да и так уж ли важно помнить фамилию комсомольского лидера местного масштаба – почти как в ситуации с моим любимым киногероем, сказавшим, что иметь фамилию Мюллер в Германии – это все равно что не иметь никакой.

Так вот, этот секретарь либо не понял, о чём идёт речь, либо не получил соответствующие инструкции из райкома или наставления из «органов», вследствие чего просто отложил письмо в сторону и продолжил инструктировать группу активистов по поводу докладов о проделанной общественной работе (не уверен, что именно так и было, но выглядит правдоподобно).

Позднее опомнившись, поразмыслив и уточнив детали мероприятия, он начал лихорадочно подбирать кандидатов на поездку.

Автор сих строк оказался в числе тех, кому оказали высокое доверие представлять наш вуз на упомянутом архимедовом мероприятии. Дело в том, что накануне мы как раз выступали на вечеринке факультета с песнями под гитару и с маленькими ми-

ниатюрами, вследствие чего и стали единственными кандидатами на поездку.

До назначенного срока оставалось всего два дня, времени на размышления и подготовку не было, и мы просто собрались, сели в поезд и поехали.

Дорога на поезде до Тбилиси занимает всего одну ночь, таким образом весь сценарий вынужденно писался нами именно этой ночью в купе, под стук колес.

Сама идея была проста: на мотив популярных тогда песен написать новые куплеты. К утру тексты были готовы, и мы сразу же двинулись в университет.

Всего через пару часов было объявлено открытие праздника, и все делегации стали поочередно приветствовать собравшихся зрителей.

Первыми, как основатели праздника, выступали москвичи, которые привезли с собой профессиональную агитбригаду (молодому поколению это слово, возможно, уже незнакомо), которая, как и следовало ожидать, вызвала бурный восторг у публики. Потом выступал кто-то ещё. Наконец, настала наша очередь...

Конечно, мы не были столь самонадеянны, чтобы рассчитывать на лавры героев этого импровизированного мероприятия-конкурса. Но ведь была подготовка! И какая – целая ночь пути, тем более бессонная. Но ведь был наш профессионализм мэтров факультетской эстрады! А сама оригинальная и плодотворная идея? Она одна чего стоила!

Но каково было воплощение замысла! Мы вышли с гитарами и уверенно спели намечавшиеся нами песни, но не с придуманными ночью куплетами, а... с оригинальным и хорошо знакомым публике текстом! Однако... реакция на наше выступление была самой восторженной! Наверняка, публика в зале подумала, что, как было сказано в другом замечательном советском фильме, «так надо». Для нас же это был самый настоящий провал. Тут и в групповой самогипноз поневоле поверишь... Впрочем, потом было ещё много мероприятий, затем встречи в кафе... И ни с чьей стороны мы тогда не то что не услышали, но и не почувствовали издевки или ироничного отношения к себе. Впервые

тогда я понял, увидел, что физики – это не просто студенты одного факультета, не просто люди, посвятившие себя одной и той же науке, но это большой, дружный народ, который отличается очень хорошим взаимопониманием. Мне кажется, что физики в этом отношении ведут себя как армяне – с радостью распознавая друг в друге при встрече в незнакомом месте соотечественника. Только в данном случае отечество не географическое... Могу засвидетельствовать: это особое, ни с чем не сравнимое чувство, когда где-нибудь случайно встречаешь коллегу-физика.

Вспоминается мне, как некогда мне довелось работать в области, лишь отдаленно имевшей отношение к физике. И поступил к нам на работу один очень толковый человек, на год старше меня (а было мне тогда уже около сорока), с которым мы совместно вели одну разработку. Забегая вперед, скажу, что его мать не верила, что сын сможет найти себе настоящего друга в таком возрасте. Но мы подружились! Может быть, во мне говорит чувство гордости за свою профессию и её представителей, но, думаю, не последнее значение имело здесь и то, что он также оказался физиком!

Возвращаясь ко Дню физика, скажу, что благодаря Ландау у нас в году появилось несколько новых праздников, ибо каждый университет для этой цели выбирал себе свой особый день в году. Так, одесситы (видимо, по своей склонности к розыгрышам) застолбили за собой 1 апреля, грузины – благодатную пору осени, ну а нам, армянам, почему-то приглянулся конец апреля. Но независимо от погоды и времени года, главным во всем этом была, конечно, возможность дружить и больше узнавать друг друга.

Не могу, однако, завершить на этой ноте свою заметку, не рассказав ещё об одном случае уже из моей эмигрантской жизни. Как ни странно, случай этот также имеет отношение к физике и физикам.

Профессия таксиста, как известно, стала традиционной для нашей ранней эмиграции. Осталась она таковой и для многих эмигрантов поздней волны, к которой принадлежу и я. Вы уже догадались: довелось мне поработать в качестве cabby. Правда, не в Париже, а в Бостоне. Профессия сия располагает порой к

интересным беседам, столь же запоминающимся, сколь и мимолетным. Так вот...

Однажды моё такси останавливает женщина, на вид постарше меня, просит довезти её домой и при этом, вопреки североамериканской традиции, намеревается сесть не позади водителя, а на переднее сидение. Я как галантный джентльмен выхожу из машины, помогаю ей, при этом замечаю, что она немного как бы покачивается и от неё в весьма интеллигентном стиле несет... пардон... пахнет алкоголем. Вероятно, мне не удалось тогда скрыть свою реакцию на это обстоятельство, поскольку она тут же довольно спокойно объяснила, что встречалась в ресторане со своими однокурсниками, и они провели очень приятный вечер.

Было это в то время, когда президенту Клинтону грозил импичмент, и поэтому тема для нашего small talk лежала на поверхности. Мы разговорились, и она с большой ностальгией начала говорить, что ей лучше всего жилось при Рузвельте!.. Разговор наш, однако, оказался гораздо более содержательным, нежели обычно предполагает общение в стиле small talk.

Оказалось, что она закончила университет и работала в группе, разрабатывавшей радиолокационные приборы для подводных лодок. Потом, уже после войны, поменяла профессию и стала заниматься разработкой медицинских приборов для диагностики и лечения через точки акупунктуры. Затем ушла на пенсию, но посидев немного дома, решила вновь найти работу и сейчас занимается разработкой программ для GPS!

Она так увлечённо рассказывала об этом, что я не мог её прервать, хотя в голове у меня все время вертелось, что картина мне чем-то очень знакома...

Когда она сделала небольшую паузу, я спросил: «У вас такой большой диапазон знаний и деятельности, вы, случайно, по образованию не физик?»

«Да, – ответила она. – А как ты догадался?»

Нужно ли объяснять читателю, как именно я догадался?

ЦВЕТЫ

Еще одна зарисовка из неопубликованного сборника «Записки таксиста». Все события и имена (кроме Фазиля Искандера и Джорджа Вашингтона) вымышлены и любое совпадение с реальностью случайно.

Произошло это 3 июля, накануне Дня Независимости. Был прекрасный, не очень жаркий день. Я вышел на работу в обычное время, но это было не очень правильным решением с моей стороны, потому что город почти опустел перед праздником, и я простаивал каждый раз по 40-50 минут, пока не брал кого-нибудь куда-то за угол за 5-6 долларов. Хорошо, что «со мной был» Фазиль Искандер, и я не очень скучал в промежутках между поездками.

В какой-то момент из гостиницы выбежал doorman, что в переводе на русский язык означает швейцар, и не знаю, как у вас, но у меня вызывает в памяти известную миниатюру Аркадия Райкина, согласно которой у швейцаров даже есть своя страна – Швейцария. По понятной ассоциации моя игривая фантазия норовит здесь немного покуражиться и назвать дормэна эфиопом или галантцем – именно через «а» и «т» и с одним «л».

Так вот, в этот раз швейцар попросил взять «пассажира на инвалидной коляске», я, конечно, согласился, и ко мне в такси села группа колумбийцев – три парня и одна женщина. Как выяснилось, ребята когда-то заканчивали Boston College и решили показать своим семьям город своей же молодости. Они заказали в придачу ещё большой лимузин, в который посадили своих жён и детей.

Водитель лимузина был профессиональным гидом, очень много знал и очень интересно рассказывал. Он попросил меня, чтобы между остановками и я что-то рассказывал своим пассажирам.

Но со мной были эти трое парней, которые прожили в Бостоне почти столько же, сколько и я. Они всю дорогу разговаривали либо между собой, либо по мобильным телефонам, и единствен-

ным человеком, которому я мог что-то рассказать, была жена одного из них, которой из-за огромного количества детей не досталось места в лимузине.

В общем, едем мы друг за другом, я воодушевленно рассказываю о Harvard University, MIT, Fenway stadium, где играют в эту непонятную для меня игру

бейсбол наши знаменитые Red Sox. Мы постепенно подъезжаем к центру города, где расположена Boston Public Library, о которой я очень люблю рассказывать.

Говорю, что это первая публичная библиотека в Америке, рассказываю, какая она удобная, как там все продумано, как много интересного здесь можно увидеть и, конечно, не забываю упомянуть, что это место моей первой работы в Америке.

Так вот, подъезжаем мы к библиотеке, водитель лимузина притормаживает, наверняка, тоже что-то знает о ней и хочет рассказать.

Перед зданием стоит большая группа туристов, и гид, одетый в стиле времён Джоржа Вашингтона, что-то объясняет, а все его очень внимательно слушают.

Я собираюсь с мыслями, чтобы в очередной раз рассказать тем, кто ещё не знает, где я начинал свою американскую трудовую деятельность, как вдруг по моему мобильнику раздаётся телефонный звонок! Я прошу прощения у единственной моей слушательницы, объясняя, что это из дома, и беру трубку.

– Привет... как дела?..

Когда люди долго живут вместе, то зачастую то, что они говорят, не имеет никакого значения. Если бы жена заговорила сейчас по-грузински (хотя она его не знает) или просто спросила, который час, я бы все равно понял, что что-то не так.

– Все нормально! – очень бодрым голосом отвечаю я.

– Что делаешь?

– У меня группа итальянцев, вожу их по городу и рассказываю кое-что.

По тону жены мне показалось, что лучше сказать, что у меня итальянцы, а не колумбийцы, чтобы придать большую значи-

мость тому, чем я в данный момент занят, и суметь перенести разговор, может быть, на вечер.

– Ясно...

Судя по реакции, итальянцы не помогли.

– А ты что делаешь? – спрашиваю я, чтобы поддержать разговор, но сам уже понимаю, что разговор будет долгим и не очень приятным.

Честно говоря, перебирая в памяти события последних дней, никаких проступков за собой я тогда не вспомнил, но ясно понимая, что это лишь моё субъективное мнение, начал концентрироваться.

– Ты что-нибудь заказывал?

Тут я посмотрел на часы и понял, что почтальон уже привёз почту, и мне надо будет вспоминать, почему у меня просрочена оплата какого-то счета или почему я так глубоко вошёл в какую-то кредитную линию, или до сих пор не закрыл свой счёт в этом дурацком Citizens Bank и многое-многое другое...

– По-моему – ничего, не помню.

– А это что?

– ...Не вижу.

– Коробка от FDI из Майами на твоё имя.

– Я в Майами никого не знаю и ничего там не заказывал.

– А ты вспоминай!

По выражению лица моей единственной слушательницы я понял, что бледнею. Она понимающе отвернулась и с притворным интересом начала рассматривать церковь Святой Троицы.

– Ну, открой и посмотри, я чего-то не помню, чтоб что-то заказывал.

Пауза... Открыла...

– Здесь цветы.

– Как это мило! От кого?

– Не написано.

– Ну, должна быть хотя бы записка, – начинаю я играть на время, чтоб самому хоть что-то понять.

Моя единственная слушательница уже не только не смотрит на меня, но демонстративно оборачивается назад и начинает о

чем-то бурно разговаривать со своими спутниками на итальянском (читай колумбийском, то есть испанском).

– А вот! Конверт, читаю: «Большое спасибо за прекрасно проведённый weekend».

– И всё?

– И всё!

– А подпись?

– Нет никакой подписи, на конверте написано: от какой-то FDI из Майами.

– Не понимаю.

– Я тоже ничего не понимаю.

– У меня в Майами никого нет.

Тут я, конечно, ляпнул, надо было сказать, что я в Майами никого не знаю, а «никого нет» подразумевает, что в Майами нет, но есть в Чикаго, Сан Франциско или, не дай Бог, в Нью Йорке – он ведь рядом.

– А ты вспомни, какая-нибудь фрау Дитрих (на фрейлейн ты, конечно, не тянешь) или Фрося, Дуся и Ира...

– Да нет, вроде, и вообще я в субботу работал, а потом мы поехали в Бруклайнский парк отмечать день рождения моей сестры. В воскресенье мы вместе ездили на день рождения нашего друга.

Оба дня я с утра работал, а потом был с семьёй. Как видите, паузы, которые я брал, помогли полностью восстановить в памяти весь weekend.

– Здесь не указано, какой именно weekend, лучше вспомни кто такая FDI.

Это надо же болтаться под видом работы черт знает где и дойти до такого цинизма, чтобы в знак благодарности получать цветы!

– А может FDI вовсе не женщина, а мужчина? – ляпнул опять я.

– Замолчи, ещё не хватало, чтобы ты сказал, что сменил ориентацию.

Отключила телефон.

Моя слушательница, поняв, что разговор окончен, указала на большое кирпичное здание на берегу океана и спросила:

– А это что?

– Здание Федерального суда, – ответил я, подумав про себя: «Символично!»

Распрощавшись со своими «итальянцами», остаток дня я чувствовал себя как известный советский разведчик, которому во что бы то ни стало надо было объяснить, как отпечатки его пальцев оказались на чемодане русской радистки.

Когда я подъезжал домой, у меня уже была надежда на то, что кое-что прояснилось.

Войдя в дом, проигнорировав молчание и взгляд мимо себя, сразу спросил:

– А может быть, речь идёт о предыдущем weekend и, наверное, наши друзья из New Jersey прислали цветы, и не мне, а тебе?

– Они вообще-то приехали с цветами.

– Ну, а одесситы не знали, что у тебя был день рождения, и решили прислать тебе цветы.

– Они, насколько я знаю, живут в Нью Йорке, а не в Майами. Хватит выкручиваться, угомонись наконец! Посмотри на себя в зеркало! У тебя морщины уже за уши заходят, ты задеваешь коленями живот, когда ходишь! Успокойся!

Но у неё в голосе появляется уже какая-то неуверенность, и мне надо эту идею раскручивать. Но и тут не все так просто.

Одесситы были у нас в гостях в первый раз, и если я спрошу, не они ли прислали цветы, и если окажется, что нет, то тем самым поставлю их в неудобное положение. Они подумают, что у нас традиция рассылать друг другу цветы после совместно проведённого weekend. Но это моя последняя соломинка, и я звоню в Нью Йорк, мол, как вы, что нового?

На вопрос, как мы, начинаю издалека. Примерно так: «Живем в Америке много лет и не перестаём удивляться: то получаешь конверт с чеком на $1.000.000, то посылку (обратите внимание, я сказал посылку, а не цветы) с благодарностью за weekend»...

– Ай, извини, это я, старая дура, забыла подписать. Мы так хорошо провели у вас время. Я нашла в Майами компанию FDI, которая доставляет цветы за один день по всей Америке, и решила сделать вам что-то приятное.

«У тебя это получилось», – подумал я, но сказал:

– Как это мило! Нам было очень приятно. Извини, мне надо уходить, поговори с женой. Целую.

Передал телефон жене, они очень мило и долго беседовали, благодарили друг друга за weekend...

А я пошёл в ванну... Включил яркий свет... Стал перед зеркалом, тщетно пытаясь найти хоть один черный волос в моей поредевшей и поседевшей шевелюре...

И все-таки интуиция жену не подвела! FDI – это фирма, а не фирм...

СОДЕРЖАНИЕ

Немного истории.....5

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱՐ
ЛИРА ЗРЕЛОСТИ
Вячеслав Егиазаров.....8
Александр Склярук.....23
Михаил Петросян.....33
Станислав Ян.....45
Павел Тыглиянц.....52
Вартан Григорян.....70
Рушан Пилосян.....83
Вагаршак Мазлумян.....104
Татевик Азарян.....112
Тимур Ян.....119

ՆՈՐ ՁԱՅՆԵՐ
НОВЫЕ ГОЛОСА
Айказ Хачатурян.....136
Геворг Бабаян.....144

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ
НАШИ ГОСТИ
Степан Багдасарян.....151

ՂՐԻՄԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
СОЮЗ КРЫМСКИХ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ
РОДИНА В СЕРДЦЕ

ԱԼՄԱՆԱԽ
9
АЛЬМАНАХ

Редактор и составитель *Р. Пилосян*
Корректор русского текста *В. Настина*
Художник *Г. Хачатрян*
Компьютерная верстка – *В. Качула*

Подписано в печать 29.05.2019 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «NewtonC». Усл. печ. л. 11,16. Объём 12,0 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 70430.

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубаченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
п. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс +7 (4722) 300-720,
www.konstanta-print.ru